

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая**

На правах рукописи

Васеха Мария Владимировна

**РУССКАЯ КРЕСТЬЯНКА В СЕМЬЕ И
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ 1920-х гг.
(по материалам юга Западной Сибири)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2015

Диссертация выполнена в Отделе русского народа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Научный руководитель: **Виктория Анатольевна Липинская,**
доктор исторических наук.

Официальные оппоненты: **Лидия Борисовна Заседателева,**
доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра этнологии.
Зинара Зиевна Мухина,
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС».

Ведущая организация: Центр устной истории и этнографии при кафедре отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета.

Защита диссертации состоится _____ в _____ на заседании Диссертационного совета Д.002117.01 при Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук по адресу: 119991 Москва, Ленинский проспект 32А.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии РАН и на сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Елена Сергеевна Данилко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. В XX веке произошли трансформации ряда представлений о базовых ценностях русского народа, в том числе связанных с местом и ролью женщины в семье и общественной жизни. Адаптация российских женщин к новым вызовам – политическим, экономическим и социокультурным – изменила их отношение к браку, деторождению, религии, образованию, построению карьеры, в целом, к формированию своих жизненных стратегий.

Анализ социокультурных процессов 1920-х гг. позволяет понять и оценить то, что происходит в настоящее время, и прогнозировать будущее развитие общества. Каждый исторический период транслирует те или иные женские образы и приписываемые им жизненные стратегии, а также соответствующие механизмы их функционирования в конкретном социуме. Выявление и анализ этих механизмов, понимание принципов их функционирования имеют практическую значимость, поскольку позволяют оценить современную ситуацию, в частности, могут быть использованы при корректировании политики государства. Жизненные установки женщин напрямую влияют на демографическую ситуацию в стране. Демографическая ситуация, в свою очередь, во многом определяет социально-экономическое развитие Российской Федерации, а демографическая картина российского общества говорит о степени его жизнеспособности.

Степень изученности проблемы. Руководствуясь проблемно-хронологическим принципом, все исследования по вопросам трансформации положения крестьянок и работниц в СССР можно условно разделить на четыре периода: 1917 – конец 1920-х гг., 1930 – середина 1950-х гг., вторая половина 1950-х – до конца 1980-х, с 1990-х гг. по настоящее время.

Первый период: 1917 – конец 1920-х гг. Спецификой указанного времени стало накопление первичной историографии проблем, связанных с историей «женского вопроса» в СССР. Труды идеологов решения «женского вопроса» и исследователей «положения» женщин автор диссертации также относит к самым важным источникам для изучения темы социального гендерного конструирования.

Корпус основных авторов по решению «женского вопроса» в СССР представляли А.М. Коллонтай¹, Н.К. Крупская², К.И. Николаева³, С.Н. Смидович⁴, А.В. Артюхина⁵, В.П. Лебедева⁶, Л.Н. Сталь⁷ и другие известные деятельницы советско-

¹ Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Ч. 2: Антология любви. М.: Политиздат, 1990; Коллонтай А.М. Работница и крестьянка в Советской России. М.; П., 1923. – 35 с.; Коллонтай А.М. Работница-мать. Омск, 1920. – 32 с.; Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней: Речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами. М., 1921. – 23 с.; и т.д.

² Крупская Н.К. 8 марта международный женский день. М., 1928. – 16 с.; Крупская Н.К. Политико-воспитательная работа 1920–1923 гг.: Сборник статей. М., 1924; Крупская Н.К. Заветы Ленина и раскрепощение женщины. М., 1933; и т.д.

³ Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925; Николаева К.И. О социальном воспитании детей // Коммунистка. 1920. № 5.

⁴ Смидович С.Н. Задачи женотдела // Коммунистка. 1922. № 2.

⁵ Артюхина А.В. Очередные задачи партии в работе среди женщин. М.; Л., 1928; Деятельность отделов по работе среди женщин Р.К.П.(б). М., 1921; и пр.

го женского движения. В их трудах были поставлены основные вопросы социального положения и роли женщины в обществе, отражены общественно-политические дискуссии о месте и правах женщины в публичном пространстве. Работы этого периода позволяют проследить, какие первоочередные задачи и установки в отношении женского населения ставило государство, а также как оценивались результаты работы по этому направлению.

Безусловно, важным источником для понимания идеологических установок при создании образа «новой женщины» в СССР являются работы В.И. Ленина⁸. Именно его разработки «женского вопроса» легли в основу государственной гендерной политики. Один из основных идеологов советской «культурной революции» Л.Д. Троцкий⁹ видел неотъемлемой частью революции создание «нового советского человека», что предполагало также и «новую женщину». Женщину начала XX в. советские идеологи представляли «существом наиболее темным, отсталым», поэтому для ее перерождения в «советскую женщину» необходимо было решить «женский вопрос» – провести крупномасштабную политическую акцию, направленную на изменение сознания и самоосознания женщин, их положения и роли в семейной и общественной жизни.

Определенное воздействие на формирование образа советского гражданина оказали работы советского психиатра А.Б. Залкинда¹⁰ с его революционно-аскетическим подходом к вопросам половой морали. В его представлении личная жизнь человека должна была быть подчинена классовому контролю, в связи с чем он разработал двенадцать заповедей полового поведения пролетариата, строго ограничивавших сексуальное поведение советского человека¹¹.

Вторичными по отношению к ведущим трудам идеологов в области «женского вопроса», но не менее интересными для исследователя являются методические пособия и практические рекомендации для работы «на местах», в женотделах, на делегатских собраниях, в клубах и избах-читальнях и т.д. Эти издания представляли собой небольшие брошюры, где доступным языком объяснялись главные принципы работы с женщинами¹². В них методисты излагали план необходимых мероприятий, предлагали вопросы для обсуждения в ходе встреч и делегатских собраний и т.д. Одной из наиболее популярных тем брошюр было объяснение позиции В.И. Ленина по поводу «женского вопроса»¹³. Крупномасштабно издавались

⁶ Лебедева В.П. Некоторые итоги. М., 1928. – 32 с.; Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества и охрана женского труда. М., 1922; и т.д.

⁷ Сталь Л.Н. Чему учил В.И. Ленин рабочих и крестьянок. М., 1926.

⁸ Ленин В.И. К 8 марта. М.: Отдел рабочих ЦКРКП, 1924. – 24 с.; Ленин В.И. Письмо Инессе Арманд от 24 января 1915 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 49. С. 54–57; Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. – 595 с. и т.д.

⁹ Троцкий Л. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. – 164 с.; Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. – 24 с.; Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. – 32 с. и т.д.

¹⁰ Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. М., 1926. С. 56, 59.

¹¹ Залкинд А. Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Революция и молодежь. М.: Издательство Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924.

¹² Материалы и методологические указания к программной и практической работе делегатских собраний крестьянок Сибирского Края. Новосибирск, 1927; Балакин Е., Шагин Н. Комсомол и советское строительство в деревне. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926; и пр.

¹³ Сталь Л. Чему учил В.И. Ленин рабочих и крестьянок. М.; Л., 1926; Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925; и пр.

практические рекомендации в области охраны материнства и младенчества¹⁴. Поскольку религию считали основным врагом на пути становления советского гражданина, распространенной литературой в 1920-е гг. были методические разработки для проведения антирелигиозной пропаганды¹⁵, методическая литература о внедрении новой советской обрядности, в частности, о роли женщины в этом процессе¹⁶. Поражает количество пособий о внедрении нового советского женского праздника – 8 Марта. Они представляли собой информационные материалы по истории мирового женского движения и политики в отношении женщин в СССР, а также подробные инструкции по организации и проведению мероприятия на местах¹⁷.

Анализ работ, написанных современниками событий 1920-х гг. о «положении женщин» в досоветском и советском обществе, об уровне их материальной и социальной защищенности позволяет понять круг проблем¹⁸, интересовавших исследователей того времени и их восприятие населением. В литературе этого периода отражен общественно-политический дискурс по вопросу определения места женщины в новом советском обществе. Как исторический источник эти работы также позволяют выявить основные черты конструируемого образа советской женщины. Пожалуй, единственной изданной в Сибири этнографической работой, в которой нашли отражение процессы трансформации крестьянских нравов и женского поведения, стал труд этнографа-сибироведа М.В. Бородкиной¹⁹. Исследовательница отмечала упрощение поведения молодежи в Томской губернии, отражение новых сюжетов в темах сибирского фольклора.

Второй период: с 1930-х годов до середины 1950-х гг. В этот период идеологические установки, которым следовало советское научное сообщество, во многом

¹⁴ Серман Г. Что такое охрана материнства и младенчества и как ее нужно строить? Гомель, 1920; Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на западе и в СССР. Исторический очерк. М., 1929; и пр.

¹⁵ Степанов И. Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. Религия в школе. М.; Л., 1925. – 76 с.; Сталь Л. Антирелигиозная работа среди женщин. Сборник. М.; Л., 1926; Абрамов Ф. Как вести антирелигиозную работу среди крестьянок. М.; Л., 1930; и пр.

¹⁶ Волжский А. Рождественская вечеринка. М.; Л., 1926; Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых. М., 1926; Марков В.Д. Живые доклады. Руководство для деревенских политпросветчиков и драматических кружков. М.: Центральный дом искусства в деревне им. народного художника В.Д. Поленова «Долой Неграмотность», 1927; Марков В.Д. Красная свадьба в деревне. М.: Центральный дом искусства в деревне им. народного художника В.Д. Поленова «Долой Неграмотность», 1927; и пр.

¹⁷ Ковнатор Р. 8 марта. Международный женский коммунистический день. М.; Л., 1925; 8 марта в деревне. Л.: Сектор «Работница и крестьянка», 1926; 8 марта в избе-читальне. Инструктивный сборник. М.; Л., 1926; 8-е марта в избе-читальне. Материалы к проведению международного дня работницы и крестьянки. Составлено при участии женотдела Ленинградского Губкома РКП(б). Л.: Сектор «Работница и крестьянка», 1925; 8-е марта 1925 года – 8-е марта 1926 года. Сборник циркулярных распоряжений и постановлений по работе среди работниц и крестьянок, партийных, советских, профессиональных и кооперативных органов на 1925 г. М., 1925; 8-ое марта. Материалы для городских докладчиков к Международному женскому коммунистическому дню в 1928 г. Ростов-на-Дону: Издание АПО и Отдела работниц и крестьянок Северо-Кавказского крайкома и Донкома ВКП(б), 1928. – 32 с.; и пр.

¹⁸ Аборты в 1925 г. М., 1927; Баранов А., Сибирячка З. Женщины Урала в борьбе и за работой. Свердловск: Издание Отдела работниц и крестьянок и испарта Ураловкома ВКП(б), 1928; Беленький Г.С. Женщина работница и социальная политика (Санитарно-социологический этюд). Томск: Изд. Томского губ. отдел, 1921; Бушмакин Н.Д. Особенности населения Сибири перед лицом индустриализации // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Т. 5. Новосибирск, 1928. С. 53–58; Васильева Л.И. Организация труда в крестьянском хозяйстве. Вып. 22. Омск: Изд-во Западно-Сибирской обл. сельскохозяйственной опытной станции, 1929. – 65 с., 9 таблиц; Коробейников Н.А. Труженица Урала на борьбу за новую жизнь. Свердловск; Москва, 1930; и пр.

¹⁹ Бородкина М.В. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1.

определяли выбор проблематики исследований, тем более что некоторые источники были недоступны для историков. В фокус исследовательского внимания чаще всего попадали такие темы как становление советского аппарата, разрабатывавшего вопрос «раскрепощения» женщин: участие женщин в социалистическом строительстве, «коренное» изменение положения женщины в обществе, работа женотделов и пр. В силу идеологического фактора большинство исследователей «женского вопроса» (в основном истории становления и развития «женотдела» при ЦК РКП(б) и ВКП(б)) заканчивали свои изыскания 1930 годом (годом закрытия Женотдела) с характерным выводом о том, что к началу 1930-х годов «женский вопрос» в СССР «в основном был решен»²⁰. С 1930-х гг. до первой половины 1950-х гг., в связи с тезисом об окончательном «закрытии» названного вопроса, наблюдалась потеря интереса к положению женщины в общественной жизни у советских идеологов, а также и в средствах массовой информации. Все опубликованные работы этого периода сводились к сопоставлению положения женщин в СССР до и после советских преобразований, а также к сравнению с капиталистическими странами²¹. Авторы этих работ чаще всего опирались на данные официальной статистики и на цитаты из публичных выступлений партийных лидеров. Более обстоятельными трудами этого периода можно назвать две монографии Н.Д. Араловец²², которые открыли череду работ о «пробуждении» и развитии социальной и трудовой активности женщин и возрастании их роли в советском хозяйстве и экономике.

Третий период: со второй половины 1950-х до конца 1980-х гг. Изучение женщин и «женского вопроса» в этот период характеризовалось расширением источниковой базы проводимых исследований: привлекались архивные материалы о работе женотделов, данные периодических изданий, анализировалась законодательная база. Ведущей темой практически всех исследований стала проблема «освобождения» женщин и вовлечения их в общественную жизнь, исследовалась также роль женщин в революционной борьбе, при этом репрезентировались сугубо положительные изменения в статусе женщин под руководством Советов²³. Во всех работах делается вывод о неоспоримом росте общественного и политического сознания женщин, однозначно позитивном влиянии советских преобразований на исторические судьбы женщин. В целом, советская историческая литература, посвященная решению «женского вопроса» в СССР, вплоть до середины 1980-х гг. по вполне понятным сегодня идеологическим причинам отстаивала и научно обосновывала успешную реализацию советской политики.

²⁰ Юскаев Р.Р. Западная историография женского движения в Советском Союзе в 1920–30 годах // Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений. Сборник научных статей аспирантов. Ч. 1. СПб., 1995. С. 128.

²¹ Карасева Л. Женщина в колхозах большая сила. М., 1954; Кирсанова К. Полное равноправие женщин в СССР. М.; Л., 1936; Маршева В., Исаев А., Штейнвах Е. Женский труд в промышленности. М., 1933; Серебренников Г.Н. Женский труд в СССР. М.; Л., 1934.

²² Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954; Араловец Н.Д. Советская женщина – великая сила советского государства. М., 1946.

²³ Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; Любимова С.Т. Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М., 1967; Любимова С.Т. Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9. С. 68–77; Румянцева И.Н. Борьба партийных организаций Западной Сибири за вовлечение женщин в хозяйственный подъем деревни накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // Из истории партийных организаций Западной Сибири (1917–1967 гг.). Уч. записки. Сб. 87. Свердловск, 1969; Участницы великого созидания. М., 1962.

Яркой чертой этого периода можно назвать появление многочисленных мемуаров, автобиографий и биографических интервью женщин – общественных активисток 1920-х гг. Именно в этот период имена не только первых революционерок, но и даже рядовых общественных деятельниц-тружениц начинают обрастать героической мифологией, они становятся примерами для подражания²⁴. Таким образом, можно говорить о целенаправленном конструировании как образа советской женщины, так и исторической памяти, которая закреплялась на практике в именах-речениях, названиях школ, пионерских дружин и улиц советских городов.

Дальнейшее развитие получили исследования роли женщин в социалистическом строительстве государства, в частности, в период восстановления народного хозяйства. Что нашло отражение в работах И.Х. Строковой, И.П. Козловой, Е.Д. Емельяновой, К.Е. Климанской²⁵ и других авторов. По понятным причинам, исторические исследования советского периода в области «женского вопроса», вовлечения женщин в общественную и политическую жизнь государства, роли партии написаны в русле марксистско-ленинского понимания этого процесса.

При этом, вслед за первыми советскими идеологами, исследователи 1950–1980-х гг. рассматривали женщин в послереволюционный период как пассивный объект, некую «женскую массу», за умы которой боролись не только молодая советская власть, но и «антисоветские элементы» («эсеровское меньшинство», «попы», «кулаки» и пр.). Важно отметить введение в этот период в научный оборот новых исторических фактов, отражавших влияние женщин на общую обстановку в обществе; например, о массовых женских волнениях 1920–1921 гг. в Челябинской и Тюменской губерниях²⁶ или о решающей роли женского мнения в судьбе подрастертки в сибирской деревне²⁷. Важно отметить, что одними из первых в Сибири к исследованиям женской проблематики обратились томские историки²⁸.

В исследованиях раннего женского движения немало внимания было уделено «псевдореволюционным», «мелкобуржуазным», «променьшевистско-эсеровским» организациям среди женщин²⁹. Еще одной популярной «женской» темой стало изучение «ликвидаторских настроений» по отношению к женотделам при переходе страны к НЭПу. Наиболее значимы по этому вопросу работы И.Х. Строковой и Е.Д. Емельяновой³⁰.

²⁴ Артюхина А. Октябрем мобилизованные. М., 1967; Женщины рассказывают. Воспоминания, статьи (1918–1959). Смоленск, 1959; Курская А.С. Пережитое (воспоминания). М., 1965; Славные большевички. М., 1958; Участницы великого созидания. М., 1962.

²⁵ Строкова И.Х. Борьба КПСС за вовлечение женщин-работниц в социалистическое строительство в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1954; Козлова И.П. Борьба КПСС за повышение культурно-политического уровня и уровня политической активности крестьянок в конце восстановительного периода (1924–1925 гг.). М., 1959; Емельянова Е.Д. Борьба КПСС за вовлечение трудящихся женщин в социалистическое строительство в восстановительный период. М., 1960.

²⁶ Анистратенко В.П. Некоторые вопросы хозяйственного и политического состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1970; Богданов М. Разгром Западно-сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961.

²⁷ Климанская К.Е. О некоторых формах массово-политической работы среди крестьянок Сибири (1921–1925 гг.) // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969.

²⁸ Например, К.Е. Климанская, И.Н. Румянцева и пр.

²⁹ Баикина А.И. Из истории работы партийных организаций Зауралья // Общественные науки и молодежь. Тюмень, 1975.

³⁰ Строкова И.Х. Борьба КПСС за вовлечение женщин-работниц в социалистическое строительство в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1954; Емельянова

Существенно, что с 1950-х гг. начинают расширяться географические рамки так называемых «женских» исследований; появляется ряд работ, посвященных региональным аспектам проблемы. На локальных материалах партийной работы среди женщин этот вопрос раскрыли К.В. Борщук (Забайкалье), А.И. Баикина (Урал и Зауралье), Г.Ф. Горнова (Пермская губерния), Н.В. Олзоева (Бурятская область), Д.В. Прончатова-Рубцова (Нижегородская губерния), Г.Т. Уварова (центрально-черноземные районы) и др.³¹

Одной из важнейших тем, поднимаемых в работах советских историков по «женскому вопросу», была проблема политической подготовки женщин к советской общественной деятельности. Для сибирского региона существенной является работа томской исследовательницы И.Н. Румянцевой³², которая сделала в соответствии с довлевшей в те годы идеологией вывод о том, что «делегатские пункты в деревне стали тем центром, вокруг которого объединялись беднячки, батрачки и лучшая часть середнячек». Исследовательница, проанализировав судьбы женщин – ответственных советских работников в Сибири, резюмировала, что именно делегатские собрания стали первой ступенькой в государственной карьере всех этих женщин.

Сложившаяся в советской историографии традиция вплоть до конца 1980-х гг. признавала преимущественно семейную сторону жизни, утверждая, что до революции 1917 г. женщина была «закрепощена вековыми семейными оковами». Это положение находило подтверждение в работах советских этнографов, изучавших «традиционную культуру» крестьянства конца XIX – начала XX в. Подчеркнем, что в отечественной этнографии советского периода проблема трансформации женского образа в 1920-е гг. не ставилась.

Важно отметить, что источниковую базу для современных исследований различных аспектов проблематики русской/советской женщины и семьи в целом создали именно советские этнографы, чьи работы основаны на непосредственном изучении крестьянского быта в ходе полевых экспедиций. Для советского периода было характерно особое внимание к изучению традиций материальной культуры и семейного быта. Большой вклад внесли сотрудники Восточнославянского отдела Института этнографии РАН (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) М.О. Косвен³³, В.А. Александров³⁴, М.Н. Шмелева, Л.А. Анохина³⁵, Н.Л. Пушкарева³⁶ и

Е.Д. Борьба КПСС за вовлечение трудящихся женщин в социалистическое строительство в восстановительный период. М., 1960; Емельянова Е.Д. Революция, партия, женщина. Смоленск, 1971.

³¹ Борщук К.В. Партийная организация Забайкалья в борьбе за вовлечение женщин в строительство социализма (ноябрь 1922–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1965; Баикина А.И. Из истории борьбы с женской безработицей в Зауралье (1921–25 гг.) // Из истории партийных организаций Западной Сибири и Урала (1917–1980 гг.). Тюмень, 1981; Горнова Г.Ф. Из истории организации и деятельности делегатских собраний работниц Пермской губернии (1919–1923 гг.) // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1966; Олзоева Н.Р. Деятельность Бурятской областной партийной организации по вовлечению женщин в строительство социализма (1917–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1965; Прончатова-Рубцова Д.В. Деятельность Коммунистической партии по повышению общественно-политической активности женщин в годы восстановительного периода: на материале Нижегородской губернской партийной организации, 1921–1925 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Горький, 1975; Уварова Г.Т. Женотделы партийных комитетов Центрального Черноземья (1921–27 гг.). Воронеж, 1975.

³² Румянцева И.Н. О роли делегатских собраний Томского округа в практической подготовке женщин к хозяйственно-политической деятельности (1926–1930 гг.) // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири. Вып. 6. Томск, 1970. С. 5–21.

³³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

др. Сотрудники ИЭА РАН первыми начали комплексное изучение русского населения Сибири. Изучению сибирского крестьянского быта посвящены труды В.А. Липинской³⁷, А.В. Сафьяновой³⁸, И.В. Власовой³⁹, А.А. Лебедевой⁴⁰. Анализ правовых аспектов семейной жизни русского раннесоветского крестьянства сделан в трудах С.С. Крюковой⁴¹, семейной похоронно-поминальной обрядности посвящены работы И.А. Кремлевой⁴², об изменениях в отношениях молодежи в первые десятилетия советского периода писала С.А. Иникова⁴³, традиции и новации похоронной обрядности в 1920-е гг. проанализированы А.Д. Соколовой⁴⁴. Взаимовлияния традиций в проведении сельской свадьбы прослежены в русско-украинском этнокультурном пограничье Л.Н. Чижиковой⁴⁵. Т.А. Листова⁴⁶ пришла к выводу о сохранении в свадебном обряде даже 1970–1980-х гг. местных традиций, хотя их смысловое содержание к этому времени уже утратилось. Важная проблема конструирования современного свадебного обряда поднята в статье Т.С. Макашиной⁴⁷, которая считала, что необходимо пробуждать интерес к традиционным формам и тактично пропагандировать сценарии с опорой на традицию конкретной местности. Л.А. Тульцева⁴⁸ провела исследование, посвященное формированию «пролетарских» праздников и обрядов в советском городе и деревне в соответствии с национальными особенностями регионов. О роли женского подвижничества в России писал О.В. Кириченко⁴⁹, народные воззрения и массовое сознание русских анализировал А.В.

³⁴ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – нач. XVIII вв.: Енисейский край. М.: Наука, 1964. – 304 с.

³⁵ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964; Анохина Л.А., Крупянская В.Ю., Шмелева М.Н. Быт и его преобразование в период построения социализма // СЭ. 1965. № 4. С. 16–31.

³⁶ Пушкирева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.

³⁷ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае. XVIII – начало XIX вв. М., 1996.

³⁸ Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв). Дис. канд. ист. наук. М., 1973; Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейные и общественный быт. М., 1989. С. 91–109.

³⁹ На путях из Земли Пермской в Сибирь. М., 1989.

⁴⁰ Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М. 1969. С. 104–188; Лебедева А.А. Северные традиции в материальной культуре русских переселенцев в Забайкалье // Фольклор и этнография русского Севера. Л. 1973. С. 86–105; Лебедева А.А. Русские Притоболья и Забайкалья: Очерки материальной культуры XVII – начало XX в. М.: Наука. 1992. – 135с.

⁴¹ Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994; Она же. Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. Сборник документов. М., 2001. – 230 с.

⁴² Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. М.: Наука, 1997. С. 517–532.

⁴³ Иникова С.А. Русские Рязанского края. М.: ИЭА РАН, 2009. В 2-х томах; Она же. «Здравствуй, новая любовь! До свиданья, старая» («рязанские страдания» 1920-х гг.) // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 3. Оренбург: ГУ «РЦРО», 2010. С. 99–107.

⁴⁴ Соколова А.Д. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» Эволюция похоронного обряда в Советской России // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 191–209.

⁴⁵ Чижикова Л.Н. Традиции в современной сельской свадьбе русско-украинской этнокультурной зоны // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 89–113.

⁴⁶ Листова Т.А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 114–152.

⁴⁷ Макашина Т.С. Русская свадьба: создание современного обряда и традиция // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 154–173.

⁴⁸ Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. – 191 с.

⁴⁹ Кириченко О.В. Женское подвижничество в России (XIX – середина XX вв.). Свято-Алексиевская пустынь, 2010. – 675 с.; Он же. Православное женское монашество в советское время // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 101–114.

Буганов⁵⁰. Об особенностях быта русской семьи в малом эстонском городе 1980-х гг. на основе полевых материалов писали Р.А. Григорьева, Н.В. Шлыгина, О.Р. Будина⁵¹. Л.Б. Заседателева в монографии «Терские казаки: середина XVI – начало XX века» рассмотрела семейно-бытовые стороны жизни терского казачества⁵². Отдельные аспекты «женской» проблематики нашли место в работах ленинградских исследовательниц Т.А. Бернштам⁵³, И.И. Шангиной⁵⁴ и Л.М. Сабуровой⁵⁵.

В сибирском регионе внимание исследователей привлекли темы власти мужчины-крестьянина над женщиной, ее положения в семье и в хозяйственной жизни. Так, Н.А. Миненко⁵⁶ считала, что угнетенное положение русской крестьянки было связано с ее экономической зависимостью. Темы роли женщины в трудовых традициях и распределения хозяйственных функций в семье поднимались в трудах Ю.М. Гончарова⁵⁷. Особенности положения женщины в сибирской семье «традиционного периода» посвящены работы М.М. Громько⁵⁸, В.А. Гореловой⁵⁹, М.А. Жигуновой⁶⁰, Т.Н. Золотовой, П.Е. Бардиной⁶¹, М.Л. Бережновой⁶², Г.В. Любимовой⁶³, Е.Ф. Фурсовой⁶⁴, О.Н. Шелегиной⁶⁵, Т.К. Щегловой⁶⁶ и пр. Семья и положение женщины на материалах Северного Урала рассматривалась Г.Н. Чагиным⁶⁷.

⁵⁰ Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 2013. – 296 с.; Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. – 541 с.

⁵¹ Григорьева Р.А., Шлыгина Н.В., Будина О.Р. Быт русской семьи в малом эстонском городе. М., 1996. – 184 с.

⁵² Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: МГУ, 1974. – 421 с.

⁵³ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; Она же. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский свадебный обряд: Исследования и материалы. Л., 1978.

⁵⁴ Шангина И.И. Русские девушки. СПб.: Азбука-классика, 2007. – 352 с.

⁵⁵ Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX – XX в. Л., 1967. – 280 с.

⁵⁶ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVII – первой половины XIX вв. Новосибирск, 1979. С. 124.

⁵⁷ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999; Гончаров Ю.М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001.

⁵⁸ Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

⁵⁹ Горелов В.А. Структура и численный состав семьи (по материалам Братского и Нижне-Илимского районов Иркутской области и Кежемского района Красноярского края) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Новосибирск, 1971. С. 96–105.

⁶⁰ Жигунова М. А. Женщины и мужчины в контексте исторических перемен // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3(3). С. 120–123.

⁶¹ Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. С. 123.

⁶² Алисов Д.А., Бережнова М.Л., Жигунова М.А., Золотова Т.Н. и др. Традиционная культура русских Западной Сибири XIX – XX вв. Очерки истории и быта. Омск: ООО Издательский дом «Наука», 2003. – 423 с.

⁶³ Любимова Г.В. Возрастная символика в культуре календарного праздника русского населения Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 2004.

⁶⁴ Фурсова Е.Ф. Обычаи, связанные с рождением ребенка, в среде сибиряков Приобья: прошлое и настоящее (по полевым материалам 1980–1990-х годов) // Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. С. 192–195; Фурсова Е.Ф. Традиции обработки льна у восточных славян Верхнего Приобья // Русские Сибиряки: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 120.

⁶⁵ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири. Социокультурные аспекты XVIII – начало XX вв. М., 2002.

⁶⁶ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008. – 528 с.

⁶⁷ Чагин Г.Н. Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Этнические традиции материальной жизни. Пермь, 1991.

Ряд исследователей полагают, что сибирячки были менее зависимы от мужа и семьи по сравнению с крестьянками европейской части России (Ю.М. Гончаров, О.Н. Шелегина и Н.А. Миненко). Это подтверждается и в трудах московских этнографов В.А. Липинской и А.В. Сафьяновой⁶⁸, которые отмечали, что русские крестьянки Алтая владели излишками произведенных ими продуктов, поскольку женский вклад в общее хозяйство семьи считался в Сибири существенным. В том числе бездетные вдовы также имели право на определенную долю семейной собственности, что было не характерно для центральных регионов России. Труды русских этнологов, основанные на полевых исследованиях, послужили диссертанту основой для оценки реальных результатов в изменении положения женщин в 1920-е гг.

В конце 1970-х гг. женская проблематика в исторических, социологических и демографических исследованиях вышла в первые эшелоны изучаемых научным сообществом тем. В этот период были опубликованы масштабные труды, в том числе коллективные, о положении женщин в СССР⁶⁹. Важно отметить появление исследований, выявлявших «социальный портрет» советской женщины⁷⁰. Историк П.М. Чирков впервые в своем обширном исследовании «Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.)» обратил внимание на политическую составляющую женского образа⁷¹.

Четвертый период: с 1990-х гг. до настоящего времени. В последний из выделенных диссертантом периодов развитие контактов с зарубежными учеными вызвало отход от «единственно верной» марксистской идеологии. Появление ранее недоступных документальных материалов, хранящихся в фондах центральных и местных архивов, дали толчок к новому, четвертому этапу развития «женской» исследовательской проблематики. Серьезное влияние на работы российских ученых оказали зарубежные коллеги, в частности, начавшие существенно раньше заниматься гендерными исследованиями.

Если давление идеологии в советских публикациях о женском движении в СССР во многом предопределяло проблематику и выводы, то работы западных специалистов позволили по-иному увидеть тот же материал. Первые зарубежные публикации по женскому вопросу появились в 1970-х годах на волне интереса к социальной истории, в частности, истории советских рабочих, крестьян и женщин (например, Д. Аткинсон, А. Лапидус)⁷², однако они были малодоступны отечественному научному сообществу.

⁶⁸ Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX вв). Дисс. канд. ист. наук. М., 1973. Она же. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX вв. // Русские: семейные и общественный быт. М., 1989. С. 27–96.

⁶⁹ Женщины Страны Советов: Краткий исторический очерк. М., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981; Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979; Изменение положения женщины и семья. М., 1977; Новикова Э.Е., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. (Социологический очерк). М., 1978; Савинова Л.Н. Женщины в советском обществе. М., 1979; Янкова З.А. Советская женщина. (Социальный портрет). М., 1978; Савинова Л.Н. Женщины в советском обществе. М., 1979.

⁷⁰ Новикова Э.Е., Янкова З.А. Женщина. Труд. Семья. (Социологический очерк). М., 1978; Янкова З.А. Советская женщина. (Социальный портрет). М., 1978.

⁷¹ Чирков А.М. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М., 1978.

⁷² Atkinson D., Lapidus A. Women in Russia. Stanford, 1977; Lapidus A. Women in Soviet Union: Equality, Development and Social Change. Berkely, 1978.

Особый интерес зарубежных ученых привлекли «женотделы» двадцатых годов и фигуры выдающихся деятелей советского женского движения, прежде всего А.М. Коллонтай и И.Д. Арманд⁷³. Также бытовало мнение, что в 1930-х гг. вместе с ликвидацией женотделов советская государственная политика поставила точку в «женском вопросе», а именно в дальнейшем развитии самостоятельного женского движения в СССР. Так, например, Р. Стайтс считал, что ликвидация женотделов обозначила закат пролетарского женского движения⁷⁴. Примерно того же мнения придерживалась и В. Голдман, полагавшая, что в 1930-е гг. был уничтожен весь потенциал женского движения в СССР (то есть окончание дискуссий о раскрепощении женщин и «откат» к семейным ценностям)⁷⁵. В. Голдман выделяла четыре основных столпа большевистской политики «перекраивания российской гендерной системы»: свободный брак, женская эмансипация через труд, выведение бытовых вопросов в общественное пространство и устранение института семьи⁷⁶.

Б. Фарнсворт на материалах советского женского движения обосновывал свой тезис о том, что «ранний большевизм качественно отличался от последующего сталинизма»⁷⁷. Б. Клементс, как исследователь феминизма, восхищался марксистским учением в его понимании «женского вопроса» и писал об идеологах социализма, которые «снабдили социализм полным анализом положения женщин. Несмотря на свои противоречия, социализм по глубине и всесторонности анализа превосходит другие политические философии»⁷⁸.

Взгляд «со стороны» в изучении вопросов советского женского движения можно наблюдать в работах Л. Этвуд, М. Илич, М. Бакли⁷⁹ и др. В своих исследованиях ученые ставили ранее не задававшиеся вопросы, например: почему в рамках ранней советской политики равноправия полов отсутствовал настоящий анализ гендерных ролей? По какой причине Советы «не замечали» гендерную асимметрию в вопросах получения заработной платы? Почему в СССР функция воспитания детей матерью, а не совместно обоими родителями, воспринималась как аксиома? Отчего феминистское движение в Советском Союзе получило статус «контрреволюционного» и «буржуазного»? Эти вопросы рассматривались авторами в контексте идеологии развития женского вопроса в нашей стране. Под «идеологией», как определила М. Бакли, понималась «система политических верований, состоящая из взаимосвязанных идей, которые дают теоретическое объяснение реальности и защищают определенный политический режим»⁸⁰. Исследователи указывали на четко прослеживаемую зависимость теории о роли женщины при социализме от потребностей государства на различных исторических этапах его развития. Таким обра-

⁷³ Attwood L. Inessa Armand, Revolutionary and Feminist. 1992.

⁷⁴ Stites R. The women's liberation movement in Russia. Princeton. 1991. P. 425.

⁷⁵ Goldman W. Women, The Family and The New Revolutionary Order in the Soviet Union // Promissory Notes: Women in The Transition to Socialism. 1989. P. 61.

⁷⁶ Goldman W. Women, the State and Revolution – Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge University Press. 1993. P. 12.

⁷⁷ Farnsworth B. Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism and The Bolshevik Revolution. Stanford, 1980. P. 13.

⁷⁸ Clements B. Bolshevik-Feminist: The Life of Kollontai. Blomington, 1979. P. 54.

⁷⁹ Attwood L. The New Soviet Man and Women. Indiana, 1990; Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Michigan, 1989; Ilic M. Biding Their Time: Women Workers and The Regulation of Hours of Employment in the 1920s // Gender in Russian History and Culture. New-York: Palgrave, 2001. P. 139–157.

⁸⁰ Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Michigan, 1989. P. 4.

зом, напрашивался вывод о том, что «женский вопрос» стал универсальным инструментом для решения ряда вызовов, с которыми приходилось сталкиваться советскому руководству на протяжении почти 70 лет. Дж. Партингтон в работе «Социалистические женщины и советская Россия: шесть британских обзоров 1920-х гг.»⁸¹ использует уникальный для российских исследователей материал шести командировок (обследований) британских женщин-наблюдателей, посетивших Советскую Россию в 1920-е гг.

Зарубежные специалисты отметили новые роли женщины в советском обществе. Так, А. Окасио в работе «Прислуга, мать, страдальца – женщины в советской пропаганде» раскрыла некоторые аспекты изменения женского образа во время Великой Отечественной войны⁸². Тема маскулинизации была поднята в работе А. Роули «Маша, хватай пистолет: Изображения советских женщин в 1930-х гг. и защита своей страны»⁸³. Работа Джеймса Питера Янга «Большевицкие жены. Исследование советской элиты»⁸⁴ посвящена женщинам большевистской элиты, и их роли и вкладу в советское строительство и решение «женского вопроса» в период от революции 1917 г. и до смерти Сталина.

Весьма интересна работа финской исследовательницы Э. Катайнен «“Новая женщина” в финской коммунистической женской периодике в 1920-е гг.»⁸⁵; здесь прослежено идеологическое влияние коммунистических дискуссий в финской прессе. Оригинален опыт Кимберли Ст. Джулиан⁸⁶ по выявлению изменений в советской политике в отношении женщин и эволюции образа «советской женщины». Она проанализировала плакаты как важное средство коммуникации между государством и населением. В статье «Баба, пролетарка и колхозница: советское изображение женщины на антирелигиозных плакатах» исследовательница делает вывод о том, что советская женщина-атеист была обязательной частью советской утопии.

Научный дискурс 1990-х гг. вокруг темы осмысления роли и места женщин в прошлом, настоящем и будущем вылился во множество научных публикаций, конференций, симпозиумов и круглых столов⁸⁷. Важную роль в развитии исследований

⁸¹ Partington J. Socialist Women and Soviet Russia: Six British Observations of the 1920s // Under Western and Eastern Eyes: Ost und West in der Reiseliteratur des 20. Jahrhunderts, ed. Stefan Lampadius and Elmar Schenkel (Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2012). P. 67–76.

⁸² Ocasio A. Maiden, Mothers and Martyrs – Women in Soviet Propaganda. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/3326312/Maidens_Mothers_and_Martyrs--Women_in_Soviet_Propoganda

⁸³ Rowley A. Masha Grab Your Gun: 1930s Images of Soviet Women and the Defense of Their Country // Minerva. Volume 2. Number 1. Spring 2008. P. 54–69.

⁸⁴ Young J. P. Bolshevik Wives. A Study of Soviet Elite Society. Sydney University. 2008. – 243 p.

⁸⁵ Katainen E. “The New Women” in The Finnish Communist Women’s Periodicals in The 1920s // Communism National and International. Helsinki. 1998. P. 299–313.

⁸⁶ Kimberly St. Julian Baba, Proletarka and the Kolkhoznitsa: Soviet Depictions of Women in Anti-religious Posters // Mediums, Movements, Prints, Soviet Era. 2012. May 8.

⁸⁷ Семья и семейная политика / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 1991; Социальные трансформации и положение женщин в России: Материалы международной научной конференции. Иваново, 3–4 марта 1995; Женщина и российское общество: научно-исторический аспект. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. О.А. Хасбулатовой. Иваново, 1995; Женщины села: проблемы адаптации к историческим условиям. Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 2002; Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского съезда. СПб. 21–23 марта 2008; Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 19–21 июня 2009. М., 2009; и мн. др.

по феминологии сыграла Н.Л. Пушкарева, которая одна из первых в отечественной науке подняла вопрос изучения гендерной проблематики как отдельного направления в гуманитарном знании. Ее работы «Женщины Древней Руси», «Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в. Невеста. Жена. Любовница.», «Частная жизнь русской женщины в XVIII веке» и др.⁸⁸ стали прорывом как в плане методологических подходов, так и при постановке проблем в изучении женской истории. Усилиями Н.Л. Пушкаревой была создана Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ), объединяющая историков, этнологов, филологов, психологов, демографов и ученых из других научных сфер, занимающихся изучением проблем гендерной истории. Таким образом, гендерная проблематика в России в 1990-е гг. вышла за рамки исторического поля и приобрела междисциплинарный характер. Немаловажный вклад в развитие гендерной методологии в постсоветской России внесли также Л.П. Репина⁸⁹ и А.Л. Ястребицкая⁹⁰.

Изучение проблем женщин в семье и обществе всегда занимало особое место в трудах как этнологов, так и историков, социологов, демографов, экономистов; на рубеже XX–XXI вв. исследования поднялись на качественно иной уровень. Обновилась методология исследования, появились новые, ранее не известные темы. Вопросы, связанные с проблемами семьи, репродуктивным поведением, феминизмом, гомосексуальностью, двойной женской занятостью, «новыми одиночками» и т.д. вышли из разряда «табуированных» и «маргинальных». Эта тематика получила развитие в работах Ю.В. Градсковой⁹¹, Е.А. Здравомысловой⁹², М.В. Золотухиной⁹³, И.С. Кона⁹⁴, М.Г. Котовской⁹⁵, И.Г. Остроух⁹⁶, Н.Л. Пушкаревой⁹⁷, А.А. Темкиной⁹⁸, А. Шадринной⁹⁹, Н.В. Шалыгиной¹⁰⁰ и многих других. В последние десятиле-

⁸⁸ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). М., 1997; Она же. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2(47). С. 6; Она же. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.

⁸⁹ Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и Новейшая история. 1997. № 6; Она же. «Женская история»: проблемы теории и метода // Средние века: сб. Вып. 57. М.: Наука, 1994.

⁹⁰ Ястребицкая А.Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века: сб. Вып. 57. М.: Наука, 1994.

⁹¹ Градскова Ю. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999. – 156 с.

⁹² Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция тендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. Вып. 4; Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11.

⁹³ Золотухина М.В. Мир американской семьи. М., 1999.

⁹⁴ Кон К.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального. М., 1975; Кон К.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2.

⁹⁵ Котовская М.Г. От старого «Домостроя» к «Новому русскому» // Леди-лидер. М., 1997; Котовская М.Г. Мужские и женские модели поведения в традиционном обществе // Гендерные проблемы в этнографии. М., 1998.

⁹⁶ Остроух И.Г. Трансформация института отцовства в постиндустриальном обществе на примере ФРГ // Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. С. 188–196.

⁹⁷ Пушкарева Н.Л. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб.: ЕУСПб, 2012. – 200 с.; Она же. «А се грехи злые, смертные...» Вып. 1. Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России X – первая половина XIX в. М.: Ладомир, 1999. – 863 с.

⁹⁸ Темкина А.А. Медиализация репродукции и деторождения: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12(3). С. 321–336; Она же. Гендерная модернизация; по-советски vs традиционные сценарии сексуальной жизни // AbImperio. № 3. С. 243–287; Она же. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: ЕУСПб, 2008. – 376 с.

тия неоднократно поднимались вопросы комплексного подхода к изучению семейной и гендерной проблематики (Е.И. Гапова¹⁰¹, Т.А. Гурко¹⁰², И.А. Жеребкина¹⁰³, М.М. Малышева¹⁰⁴, С.Ю. Малышева¹⁰⁵, Е.Р. Ярская-Смирнова¹⁰⁶ и др.).

Тематика целенаправленного конструирования образа «нового человека» стала включаться в отечественные исследования сравнительно недавно. В начале 1990-х был открыт доступ к ранее закрытым фондам, архивным материалам, в том числе массовым источникам (личные дела, анкеты, статистические сведения отделов по работе с женщинами и т.д.), что породило ряд новых исследований женской тематики. Так, трансформациям гендерных ролей женщины в 1920-х гг. посвящены работы Н.П. Басистой¹⁰⁷, Д.Р. Давыдова¹⁰⁸, О.В. Дорохиной¹⁰⁹, Г. Карповой¹¹⁰. Об изменении статуса женщины в советском обществе в рамках изучения истории повседневности как части социальной истории писали А.И. Черных¹¹¹ и Н.Б. Лебина¹¹². Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина считали, что партия и государство рассматривали советских женщин как особую социальную категорию и разрабатывали специальные меры регулирования их социального положения¹¹³.

Среди всех исследований для нас особый интерес представляют работы о положении женщины после революционных преобразований 1917 года, выполненные на сибирском материале Д.Н. Куликовой¹¹⁴, О.Н. Шевцовой¹¹⁵, М.В. Балахниной¹¹⁶,

⁹⁹ Шадрина А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака. М.: НЛЮ, 2014. – 240 с.

¹⁰⁰ Шалыгина Н.В. Гендерные стереотипы в структуре общественного сознания. М.: ИЭА РАН, 2010.

¹⁰¹ Гапова Е.И. О гендере, нации, классе в посткоммунизме // Гендерные исследования. 2005. Вып. 13; Она же. Революция и гендерный контракт, или Может ли комсомолка отказать комсомольцу? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 35–48; Антология гендерных исследований // Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск, 2000. – 384 с.

¹⁰² Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М., ИС РАН, 2008; Гурко Т.А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // Социс. 2002. № 11. С. 83–91.

¹⁰³ Жеребкина И.А. Это сладкое слово... Гендерные 60-е и далее. М.: Алетейя, 2012. – 408 с.; Она же. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. М., 2007. – 312 с.

¹⁰⁴ Малышева М.М. Экономика и социальная политика: гендерное измерение. М.: Academia, 2002. – 312 с.

¹⁰⁵ Малышева С.Ю. Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Москва: ИВИ РАН, 2005. № 10. С. 21–40.

¹⁰⁶ Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М., 2001. – 254 с.

¹⁰⁷ Басистая Н.П. Формирование типа женщины-руководителя: истоки и реалии // Феномен пола в культуре: Материалы международной научной конференции. М., 1998. С. 79–82.

¹⁰⁸ Давыдов Д.Р. Институт семьи в 20-е годы в Советской России // Гендерная история: proetcontra: Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000. С. 141–144.

¹⁰⁹ Дорохина О.В. Партийно-государственная идеология социальных преобразований семьи в послереволюционной России // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1996. № 2. С. 17–23; Она же. Раннее советское брачно-семейное законодательство: мифы и реалии // Вестник МГУ. Сер. 18: Социология и политология. 1998. № 4. С. 138–154.

¹¹⁰ Карпова Г. Г. Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе международного женского дня, 1920–2001 гг. // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х гг. Самара, 2003. С. 258–275.

¹¹¹ Черных А.И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. – 282 с.; Она же. «Крылатый Эрос» и промфинплан // Социс. 1993. №8. С. 105–113.

¹¹² Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер (микроистория как способ изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов). // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России 1920–1930-х гг. СПб., 2000. С. 7–25; Она же. Мужчина и женщина. Тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: НЛЮ, 2015. – 208 с.

¹¹³ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О мужественности: Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: НЛЮ. 2002. С. 432–351.

¹¹⁴ Куликова Д.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

И.А. Рябцевой¹¹⁷, А.С. Жулаевой¹¹⁸ и другими. В этих публикациях авторы характеризуют социальное, политическое, экономическое положение женщин, анализируют результаты политики женской эмансипации, изменения в бытовых условиях жизни женщин, демографическое поведение и т.д. Сравнительному изучению социальных проблем женщин в различных регионах СССР и анализу девиантных форм женского поведения уделяет внимание А.Я. Тарасюк¹¹⁹.

С понятием «образ советской женщины» на страницах женской прессы 1970–1990-х работает Д.В. Захаров¹²⁰, образу «новой женщины» в советской культуре посвящено исследование Е.А. Шабатуры¹²¹. Попытку проанализировать женскую периодику 1920-х гг. делает И.В. Алферова¹²², целевую аудиторию женских СМИ 1920–1930-х гг. характеризует О.Д. Минаева¹²³. Важными для настоящей работы являются обобщающие труды В.В. Смеюхи¹²⁴ и Т. Дашковой¹²⁵, посвященные гендерному анализу женских СМИ в России, в которых выявлялись визуальные каноны идеального образа советской женщины. Т. Дашкова обозначила 1920-е гг. как экспериментальный, «доканонический» период репрезентации советской женской телесности, расцветшей в полную силу уже в 1930-е гг. Исследовательница С.Ю. Малышева увидела в раннесоветской праздничной культуре (1917 г. – начало 1930-х) «доминирование мужского», что «в целом отвечало духу новой, революционной мифологии, востребовавшего образ Человека-Массы», «унифицированного» и «усредненного»¹²⁶.

Работа Ю.Г. Саловой ««Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы»¹²⁷ посвящена изучению вопроса о создании советской педагогической системы

¹¹⁵ Шевцова О.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1926–1929 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 1999.

¹¹⁶ Балахнина М.В. Социально-бытовое положение женщин-работниц Западной Сибири (1921–1929 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

¹¹⁷ Рябцева И.А. Женщины Западной Сибири 1920–1930-х гг.: демографические и социальные проблемы. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1996.

¹¹⁸ Жулаева А.С. Правовые основы изменения статуса женщины в советском обществе (на примере сибирского региона) // Global Scientific Potential History, Philosophy and Sociology. 2014. № 3(36). С. 32–34.

¹¹⁹ Тарасюк А.Я. Социальная политика советского государства и жизнь женщины 1918–1929 гг. на материалах Зауралья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.

¹²⁰ Захаров Д.В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 1970–1990-х гг. на примерах журналов «Работница», «Крестьянка», «Космополитен». Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

¹²¹ Шабатура Е.А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск, 2006.

¹²² Алферова И.В. Большевицкая женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2011. Вып. 3. С. 106–111.

¹²³ Минаева О.Д. Целевая аудитория центральных партийных журналов для женщин в 1920–1930-е гг. // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 1(5). С. 34–45.

¹²⁴ Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012. – 318 с.

¹²⁵ Дашкова Т. «Работницу» – в массы: политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х гг. // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 184–192; Она же. Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: Форум российских и немецких культурологов. М., 2002. С. 103–128; Она же. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 1930-х гг. // Логос. 1999. № 11–12. С. 131–155.

¹²⁶ Малышева С.Ю. Гендерные репрезентации в раннесоветской праздничной культуре // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Т. 10. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 39.

¹²⁷ Салова Ю.Г. «Новый человек»: взгляд на проблему в 1920-е годы. Ярославль, 1998. – 68 с.

по креации «нового человека» (анализ П.П. Блонского и С.Т. Шацкого). Более детально вопросы формирования образа «советской девочки» можно найти в работе К. Келли ««Хочу быть трактористкой!»»¹²⁸, где автор обращает внимание на нивелирование «девичьих» особенностей в образах маленьких девочек, создаваемых на страницах художественных произведений первых десятилетий советской власти. Трансформации идеалов и жизненных ценностей русской девочки и девушки посвящено исследование А.А. Сальниковой¹²⁹.

Этнологи, историки, культурологи отреагировали на появление новых подходов к изучению женской повседневности. В монографии З.З. Мухиной «Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России»¹³⁰ рассмотрены типология и структура семьи, брачные традиции, репродуктивное поведение и положение женщины в крестьянской семье на материалах Курской губернии. Алтайская исследовательница Л.А. Явнова¹³¹ на полевых и архивных материалах Алтайского края обнаружила прямую зависимость размера наследства от возраста вдовой крестьянки. Е.А. Коляскина¹³², проанализировав образ женщины в картине мира русских Алтая на рубеже XIX – первой трети XX вв., сделала вывод о его общерусской основе, трансформация же представлений об образе женщины на рубеже веков происходила, по ее мнению, под воздействием этнокультурных и этноконфессиональных факторов.

Историки-сибиреведы через проблематику изучения сибирской крестьянской семьи рассмотрели женскую тематику. Так, В.А. Зверев¹³³ указывал на негативные аспекты образа жизни крестьянства, связанные с нарушением или ослаблением ряда традиционных общественных институтов в конце XIX – начале XX в., что существенно влияло на положение крестьянки в сибирской глубинке. В.А. Исупов¹³⁴, характеризуя первый этап демографической политики советского государства в 1920-е гг., говорил о нем как о борьбе за интенсификацию индустриализации и коллективизации, то есть предполагалось ущемление личных жизненных интересов человека (в частности, женщин) с целью решения политических и экономических задач. Также И.С. Кузнецов¹³⁵ в работе, посвященной нравам сибирской деревни 1920-х

¹²⁸ Келли К. «Хочу быть трактористкой!» (Гендер и детство в довоенной советской России) // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история / Под. ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 385–410.

¹²⁹ Сальникова А.А. Трансформация идеалов и жизненных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история / Под. ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 411–435.

¹³⁰ Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.

¹³¹ Явнова Л.А. Семейно-бытовые традиции русских старожилов и переселенцев Алтая второй половины XIX – первой трети XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Бийск, 2002. С. 49.

¹³² Коляскина Е.А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX в. Дисс. канд. ист. наук. Бийск, 2010. С. 196.

¹³³ Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: НГПУ, 1998. – 117 с.; Зверев В.А. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX вв. // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв. Новосибирск, 1989. С. 62-79.

¹³⁴ Исупов В.А. Проблема потерь населения СССР в отечественной и зарубежной историографии // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII–XX вв. Новосибирск: ИИ СО РАН, 1999. С. 143.

¹³⁵ Кузнецов И.С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск: НГУ, 2001. С. 230.

гг., указал, что результатом всех новых советских тенденций стало непрерывное нарастание деструктивных процессов в сибирской деревне и, как итог, подрыв традиционного крестьянского мировоззрения.

Начало XXI в. отмечено резко возросшим интересом к изучению проблем семьи, брака, гендерных отношений в первые десятилетия советской власти. Можно отметить ряд публикаций исследователей Л.Ю. Анисимовой¹³⁶, М.А. Денисовой¹³⁷, Д.В. Давыдова¹³⁸, Н.Г. Кулинич¹³⁹, М.В. Михайловой¹⁴⁰, А.М. Пушкарева¹⁴¹, А.А. Савчук¹⁴², В.Н. Фараонова¹⁴³, А.В. Хлоповой¹⁴⁴ и других авторов по гендерной и семейной проблематике в различных регионах нашей страны, что говорит о высокой степени востребованности темы исследования.

Однако важно отметить, что в большей части этих работ ощущается несколько односторонний подход к выбору источников – большинство авторов используют официальные статистические данные, которые в подавляющем числе случаев не отображают реальной картины 1920-х гг. (в силу разных причин: с целью пропаганды и завышения результативности, неудовлетворительной постановки работы по сбору статсведений и т.д.). Вторым по популярности источником у исследователей выступают материалы публичных дискуссий по вопросам «раскрепощения женщин» и «половой свободы» на страницах официальной печати. К сожалению, не все авторы оценивают этот источник как инструмент пропаганды и площадку для общественного дискурса, а видят его как отражение реального положения дел, что серьезно искажает историческую картину. Привлечение архивных данных – отчетов по работе женсоветов, комитетов охраны материнства и младенчества, протоколов судебных заседаний и т.д. – безусловно, помогает пролить свет на проблемы положения женщины в семье и обществе; однако не стоит упускать из вида такую слабую сторону этих источников, как желание чиновников представлять свою деятельность более эффективной. Использование трех основных источников – данных официальной статистики, официальных отчетов чиновников и материалов официальной печати – породило ряд довольно односторонних интерпретаций и выводов.

¹³⁶ Анисимова Л.Ю., Северьянов М.Д. Аборт как средство планирования семьи в России в первой четверти XX века // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. № 6. Т. 7. 2013. С. 1066–1074.

¹³⁷ Денисова М.А. Становление советской семьи в 1920-е годы (на примере Курской губернии) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 182–187.

¹³⁸ Давыдов Д.В. Развод “по-крестьянски”: специфика расторжения браков в среде русского крестьянства в 1920-е годы (по материалам ТАССР) // Вестник ТГПУ. 2010. № 4. С. 113–116.

¹³⁹ Кулинич Н.Г. «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 42–53.

¹⁴⁰ Михайлова М.В. Семья и быт в представлениях населения европейской части России в 1920-е годы. Армавир, 2003. – 179 с.

¹⁴¹ Пушкарев А.М. Из «тьмы» приватности на «свет» публичности: сексуальная этика в дискурсе художественной литературы и критики 1920-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2007. № 1. Раздел: Социальная история России. С. 142–153

¹⁴² Савчук А.А. Новое брачное законодательство и его влияние на изменение численности браков и разводов на советском Дальнем Востоке РФ в 1920-е гг. // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск, 2012. № 3 (60). С. 149–156.

¹⁴³ Фараонов В.Н. Семьи рабочих Томской губернии в 1900–1920-х гг.: структура, демография, связь с землей // Известия АлтГУ. 2007. № 4–3. С. 187–191.

¹⁴⁴ Хлопова В.А. Женский вопрос в «культурной революции» (по материалам Вятского региона) // Современные проблемы науки и образования. Пенза, 2012. № 4. С. 341–351.

Немногие авторы позаботились о привлечении дополнительных источников, прежде всего данных устной истории, которые помогли бы воссоздать картину положения женщины в семье и общественной жизни, ее отношения к происходившим в 1920-е годы переменам.

В данном диссертационном исследовании делается попытка комплексного привлечения материалов устной истории (полевых интервью) и мемуаров информаторов-крестьян, наряду с архивными документами, материалами печати и иными источниками. Такой подход позволил диссертанту проследить трансформации образа женщины в семье и общественной жизни в 1920-х гг. в ряде публикаций¹⁴⁵.

Объект диссертационного исследования представляют русские крестьянки юга Западной Сибири в 1920-х гг.

Предметом исследования являются механизмы конструирования образа «новой советской женщины» на юге Западной Сибири в 1920-х гг.

Целью исследования является выявление процессов социального конструирования образа «новой советской женщины» в условиях государственной индоктринации и результаты его внедрения в повседневную жизнь и сознание русских крестьянок Западной Сибири в 1920-е гг.

Конкретные задачи состоят в следующем.

1. Проанализировать политику советского государства в отношении семьи и положения женщины в 1920-е гг. на юге Западной Сибири.

2. Выявить механизмы вовлечения женщин в различные сферы общественно-политической деятельности.

3. Определить результативность государственной программы по ликвидации неграмотности среди крестьянок-сибирячек.

4. Раскрыть содержание государственной политики охраны материнства и младенчества и ее влияние на положение сибирской крестьянки в 1920-е гг.

5. Обозначить особенности антирелигиозной пропаганды среди сибирячек, ее результативность в 1920-е гг.

6. Провести сопоставительный анализ государственной политики по моделированию новой семейной обрядности и бытовавших в 1920-е гг. традиций с учетом этнокультурных и этноконфессиональных особенностей.

7. Определить особенности моделирования в Западной Сибири новых женских поведенческих паттернов, жизненных стратегий и ценностей.

Хронологические рамки исследования.

Особое значение в процессе создания образа «новой советской женщины» имел период после революции 1917 г., длившийся до конца 1920-х годов. Однако в связи с более поздним временем установления советской власти и продолжительной гражданской войной в Сибири нижние границы рассматриваемого нами периода сдвигаются к началу 1920 г. и ограничиваются только одним десятилетием. Верхние хронологические границы исследования объясняются тем, что в 1930 г. в

¹⁴⁵ Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Известия АлтГУ. 2013. № 4. Т. 2. С. 43–46; Васеха М.В. Проблемы актуализации практик плодоизгнания в условиях демографической модернизации в 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2015. № 2. С. 37–41; Васеха М.В. Влияние женской всесоюзной и сибирской прессы 1920-х гг. на формирование новых поведенческих моделей сибирячек // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.

связи с реорганизацией партийного аппарата был расформирован Женотдел (по причине «решения женского вопроса»), и в целом в стране начались новые процессы как в области женской политики, так и в других областях жизни, непосредственно повлиявших на общественное и семейное положение женщины.

Более того, обозначенное десятилетие не представляло собой целостного периода: время до 1926 г. – обозначено историками как «период экспериментов» (также называемый в советской историографии «восстановительным» периодом); со второй половины десятилетия до конца 1920-х гг. уже наметился «консервативный» поворот государства к семейным ценностям.

Несмотря на столь непродолжительный временной отрезок в масштабах истории, именно в 1920-х гг. был заложен фундамент модели советского социально-гендерного устройства. Одной из задач послереволюционной России стало преобразование общества на новых социальных началах, предусматривавших и пересмотр существующего гендерного порядка. Соответственно, после революции во власти Советы начали проводить в жизнь еще одну революцию – «культурную», которая должна была свершиться в умах советских граждан для создания «нового человека», что подразумевало и «новую женщину».

Столь глубокое проникновение государства в интимные сферы жизни своих граждан, целенаправленное формирование «новых» ценностей, жизненных установок и стратегий населения, пожалуй, позволяет говорить о первом в мировой практике социальном эксперименте целенаправленного гендерного конструирования. На наш взгляд, именно женщины, их духовно-нравственный мир, здоровье, жизненные ориентиры подверглись наиболее сильным трансформациям в условиях жесткой государственной индоктринации.

Территориальные рамки исследования охватывают юг Западной Сибири, куда входят современные Алтайский край, Новосибирская, Омская и Томская области. В 1920-е гг. эти земли были частью огромного Сибкрая, включавшего Баранбинский, Барнаульский, Бийский, Каменский, Новосибирский, Омский, Тарский, Томский округа. Выбор территориальных рамок обусловлен компактным проживанием здесь русского крестьянского населения. Во всех перечисленных областях процент русского населения составлял согласно переписи населения 1926 г. более 80%¹⁴⁶, и в изучаемое время эти территории были наиболее заселенной частью Зауралья.

Источниковая база исследования.

Труды классиков марксизма-ленинизма, ранних советских политиков по вопросам «нового быта», включавшего в себя и представления о «новой семье», «раскрепощении» женщин и значении государства и партии в работе среди женщин позволили более точно понять идеологическую составляющую этой государственной политики. Определяющими являлись произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, а также В.И. Ленина¹⁴⁷ и Л.Д. Троцкого¹⁴⁸. Важнейшее значение имеют труды И.Ф.

¹⁴⁶ Всесоюзная перепись 1926 г. Национальный состав населения по регионам РСФСР. [Электронный ресурс]. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1302. Дата обращения 11.08.2014.

¹⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. М., 1978. – 223 с.; Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в советской республике // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 198–205.

¹⁴⁸ Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи и о новом быте. М., 1924. – 24 с.; Троцкий Л. Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926. – 32 с.

Арманд¹⁴⁹, А.М. Коллонтай¹⁵⁰, Н.К. Крупской¹⁵¹, К.И. Николаевой¹⁵², С.Н. Смидович¹⁵³, А.В. Артюхиной¹⁵⁴, В.П. Лебедевой¹⁵⁵, Л.Н. Сталь¹⁵⁶ и других известных деятелей советского женского движения. О некоторых этих работах уже упоминалось выше, в историографическом разделе.

Анализ ранних советских законодательных актов: декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (18 декабря 1917 г.), «О расторжении брака» (29 декабря 1927 г.), «О внебрачных детях» (20 декабря 1917 г.), «Кодекса законов о браке, семье и опеке» (19 ноября 1926 г.) и ряд других законодательных инициатив помогли оценить масштаб государственного участия в трансформациях правового, социального, семейного положения женщин в 1920-е гг.

В ходе исследования были изучены делопроизводственные документы, хранящиеся в центральных и местных архивах. Наиболее значимыми для исследования стали фонды Государственного архива Новосибирской области (ГАНО. Ф. 1353, 47, 1, 895 и др.), Государственного архива Томской области (ГАТО. Р-173. Ф. 243, 202), Центрального хранилища архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК)¹⁵⁷, Отдела архива администрации Сузунского района Новосибирской области (архив женотдела), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. М-1).

Первичные данные об актах гражданского состояния Отдела архива администрации Сузунского района Новосибирской области дают представление об уровне «постановки» работы по регистрации браков и разводов «на местах» (сведения из райисполкомов) в 1920-х гг. Если учет рождений и смертей выглядят достаточно правдоподобно, то учет браков и разводов вызывает большие вопросы. Так, например, в большом Битковском сельсовете в 1926 г. был зарегистрирован 41 брак и 75 разводов, в 1927 г. – 27 браков и 85 разводов, в 1928 г. – 23 брака и 77 разводов¹⁵⁸. Из некоторых сельсоветов приходили и вовсе «пустые» графы в статистике «браки-разводы». Причины отсутствия цифр, к сожалению, никак документально не комментировались. Этот факт можно объяснить с помощью этнографических полевых материалов, которые свидетельствовали о том, что при невозможности заключить брак в церкви семьи принимали решение играть народную свадьбу, не регистрируя

¹⁴⁹ Арманд И.Ф. Работа среди женщин и пролетариата на местах // Коммунистическая партия и организация работниц. М., 1919.

¹⁵⁰ Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви. Ч. 2: Антология любви. М.: Политиздат, 1990; Коллонтай А.М. Работница и крестьянка в Советской России. М.; П., 1923. – 35 с.; Коллонтай А.М. Работница-мать. Омск, 1920. – 32 с.; Коллонтай А.М. Проституция и меры борьбы с ней: Речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами. М., 1921. – 23 с. и т.д.

¹⁵¹ Крупская Н.К. 8 марта международный женский день. М., 1928. – 16 с.; Крупская Н.К. Политико-воспитательная работа 1920–1923 гг.: Сборник статей. М., 1924; Крупская Н.К. Заветы Ленина и раскрепощение женщины. М., 1933; и т.д.

¹⁵² Николаева К.И. Ленин и раскрепощение трудящейся женщины. М., 1925; Николаева К.И. О социальном воспитании детей // Коммунистка. 1920. № 5.

¹⁵³ Смидович С.Н. Задачи женотдела // Коммунистка. 1922. № 2.

¹⁵⁴ Артюхина А.В. Очередные задачи партии в работе среди женщин. М.; Л., 1928; Деятельность отделов по работе среди женщин Р.К.П.(б). М., 1921; и пр.

¹⁵⁵ Лебедева В.П. Некоторые итоги. М., 1928. – 32 с.; Лебедева В.П. Охрана материнства и младенчества и охрана женского труда. М., 1922; и пр.

¹⁵⁶ Сталь Л.Н. Чему учил В. И. Ленин работниц и крестьянок. М., 1926.

¹⁵⁷ С 2010 г. переименован в Государственный архив Алтайского края (ГААК).

¹⁵⁸ Отдел архива администрации Сузунского района Новосибирской области. Фонд Битковского райисполкома, Оп. 1, арх. номер 156–137.

брак в органах загса. Количество разводов, значительно превышавших число зарегистрированных браков, указывало на тот факт, что селяне придавали большее значение официальному разводу, чем заключению брака в советских органах регистрации. В этом же архиве особый интерес представляют собой документы о бракоразводных делах, ходатайствах о более раннем сроке вступления в брак и т.д.

В Государственном архиве Российской Федерации были проанализированы фонды «Комиссии по улучшению труда и быта женщин при Президиуме ВЦИК» (Р-6983) и материалы фонда «Всесоюзного съезда рабочих и крестьянок» (Р-3316), которые позволили более объемно представить себе все обсуждавшиеся на высшем уровне составляющие образа «новой советской женщины».

Важным источником для раскрытия темы формирования образа «новой советской женщины» стали материалы периодической печати, в особенности женской прессы, непосредственным образом оказывавшей воздействие на женское население в 1920-х гг. В этот период все женские средства массовой информации стали подчиняться ЦК партии, что обусловило их типологическое единообразие в первое десятилетие советской власти. Федеральные журналы «Делегатка», «Коммунистка», «Крестьянка» и «Работница» позволили очень точно почувствовать изменения и новые директивы партии в «женском вопросе», понять первостепенную проблематику в тот или иной период 1920-х гг. Информационные сообщения «с мест», аналитические статьи о положении женщин в советской России и за рубежом, программные статьи лидеров советского женского движения дополнили картину государственного участия в советском гендерном конструировании. Безусловно, для данного исследования наиболее актуальны сибирские журналы «Красная сибирячка» и «Сибирская деревня». Региональная пресса, не столь официозная и адаптированная к местным реалиям, позволила оценить активность советской агитации в сибирской глубинке. Важнейшей особенностью контента женской периодики была художественная составляющая – стихи, рассказы, фельетоны, «были», в живой и очень доходчивой форме объяснявшие суть политики советского «женского вопроса» и обличавшие «старый мир» и «старый быт». Существенным недостатком вышеперечисленных источников является их «пропагандистская» направленность и желание советских функционеров преувеличить достижения на тех или иных участках работы.

Реальное положение дел позволяет представить специфические этнографические источники, впервые вводимые автором диссертации – материалы интервью непосредственных участников исторического процесса – сибиряков, чья молодость пришлась на период 1920-х гг. Данный вид источника позволил поставить под сомнение многие «достижения» советской работы по «женскому вопросу». Таким образом, оригинальные данные полевых материалов как автора работы, а также и полевые материалы Восточнославянского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН (выезды 1990 – начало 2000-х гг., руководитель д.и.н. Е.Ф. Фурсова) позволили уточнить масштаб вовлеченности сибирских крестьянок в процесс создания «новой советской женщины» и «нового быта» в 1920-х гг. Полевые исследования проводились в Новосибирской области (Венгеровский, Красноозерский, Кыштовский, Ордынский, Сузунский, Черепановский районы) и Алтайском крае (Зональный, Каменский районы).

Собранные, в том числе в процессе полевых исследований, источники личного происхождения (воспоминания, дневники сибиряков) так или иначе отражали отношение простых граждан к происходившим в 1920-е гг. изменениям в области «быта» или, наоборот, фиксировали отсутствие трансформаций. Эти источники стали бесценным материалом для понимания степени влияния советской пропаганды и политики гендерного конструирования на обыденную жизнь крестьян в их этнокультурном и этноконфессиональном разнообразии.

Привлечение новых материалов в виде данных интервью с информантами, архивных материалов, личных дневников, писем и других меморатов – свидетельств «устной истории», истории повседневности – позволяют услышать голос «самих изучаемых» и добавить существенные черты к пониманию положения женщины в семейной и общественной жизни в Западной Сибири 1920-х гг.

Следует признать определенную ограниченность практически всех типов используемых источников для воссоздания исторической картины положения крестьянок-сибирячек как в семье, так и в общественной жизни в далекие 1920-е гг. Тем не менее, комплексный разноплановый источниковый корпус, задействованный в работе, позволил достичь поставленных задач исследования.

Методы исследования и методология. Автор диссертации придерживается комплексного принципа исследования, учитывая общепринятые этнографические, исторические, социологические, демографические, экономические научные подходы, а также общенаучные методы. При работе с опубликованными и архивными документами автор опирается на источниковедческий и историко-сравнительный методы исследования. Выявление типических и массовых явлений осуществляется на основе методов культурной антропологии, в том числе глубинных и структурированных интервью с последующей интерпретацией полученных данных. Метод контент-анализа используется при работе с материалами публицистики изучаемого периода. Коэволюционный подход дает возможность выявить процессы трансформации образа женщины и увидеть проявление движущих сил этих изменений в 1920-е гг.

Методические инструменты определены самим предметом исследования и лежат в плоскости нескольких направлений современного гуманитарного знания: интеллектуальной, персонифицированной, гендерной истории и истории повседневности. В интеллектуальной истории важное место занимает микроанализ: обращение к конкретной ситуации или межличностным отношениям, что, безусловно, важно при исследовании положения женщины в семье и общественной жизни. Биографический, персонифицированный подход позволил лучше понять влияние государственной политики и средств пропаганды на индивидуальную судьбу крестьянки в 1920-е гг., а также выявить формы восприятия/невосприятия предлагаемых вариантов «нового быта» разными представителями сельского общества: мужчинами и женщинами, молодежью и стариками, представителями разных профессиональных групп. Гендерный анализ позволил реконструировать находившиеся в процессе трансформации представления о «мужском» и «женском» в 1920-е гг. Большие возможности для данного исследования предоставляет ретроспективный метод, давший объемную картину прошлого на базе разнообразных остаточных данных. Сравнительно-исторический метод вывел автора на общие и региональные (локаль-

ные) закономерности развития, механизмы их происхождения и трансформации. Предполагаемые методы и подходы работы определены комплексностью и широтой заявленной темы исследования и позволяют автору раскрыть механизмы конструирования образа «новой светской женщины» и трансформации положения женщины в Западной Сибири 1920-х гг.

Автор диссертации рассматривает трансформацию образа женщины, ее положения в крестьянской семье и общественной жизни, исходя из представлений о глобальной модернизации российского общества. Модернизация понимается как общемировой процесс перехода из аграрного общества в промышленное, сельского – в городское, из «традиционного» в «современное». Историк и демограф А.Г. Вишневский считал, что модернизационные преобразования стали «ответом общества на глубокий кризис собственных традиционных демографических и семейных отношений»¹⁵⁹, пик которого пришелся на конец XIX – начало XX вв.

Процесс модернизации начался с изменений в экономике, произошедших, по большей части, после отмены крепостного права. Имело место постепенное снижение престижа земледельческого труда как единственного источника существования, усиление роли рынка; как образно выразился демограф А.Г. Вишневский, «власть земли уступила место власти денег»¹⁶⁰ в русской деревне. Ворвавшаяся в крестьянскую жизнь «власть денег» начала разрушать вековые устои деревни, в том числе, коснулась глубинных основ крестьянского мира – семьи и механизмов ее функционирования.

На рубеже XIX–XX вв. колоссальные сдвиги происходили во всех сферах российского общества: политике, экономике, демографии. Однако пожалуй самые глубокие изменения происходили на уровне каждой семьи, отдельного человека. Они затрагивали экзистенциальные основы существования, так как менялось отношение к жизненно важным вопросам – к любви, взаимоотношениям между полами, к продолжению рода, к смерти и т.д. На рубеже веков наблюдались, может быть, еще не столь очевидные подвижки в области брачного, прокреативного поведения, сексуальности и семейной жизни русских крестьян. В результате изменений различных сфер частной жизни людей постепенно складывался новый тип личности человека с иными жизненными установками и ценностными ориентирами.

Модернизационные трансформации «традиционной» семьи и существовавшего в ней гендерного порядка после революции 1917 г. и прихода коммунистов к власти заметно ускорились под воздействием целенаправленной государственной политики, социально-экономических преобразований, а также вследствие принятия ряда законодательных актов.

Новая власть взяла курс на ускорение модернизационных преобразований, ядром которых стала индустриализация российского аграрного общества. В фокус особого внимания со стороны государственной власти попала женщина, ставшая одной из главных героинь в ходе осуществления советской экономической, демографической, культурной, политической модернизации общества. Возникло целое направление советской политики, получившее обобщающее название «вопросы женщин»,

¹⁵⁹ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112.

¹⁶⁰ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 24.

которое включало вовлечение женщин в общественную и политическую жизнь страны, охрану материнства и младенчества, женское образование, антирелигиозную работу среди женщин, борьбу с традиционными формами гендерного поведения и конструирование новых женских паттернов.

Таким образом, в настоящем диссертационном исследовании рассматривается проблема целенаправленного гендерного конструирования на государственном уровне. Социальный конструктивизм появился в гуманитарном знании как постмодернистская критика позитивистско-эмпирической науки с ее представлениями об объективном и универсальном характере знаний. Тезис о том, что «все в мире социально сконструировано» был взят на вооружение исследовательницами-феминистками для изучения социальных отношений между полами в пику представлениям о биологическом детерминизме «мужского» и «женского».

В работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»¹⁶¹ предложен тезис об одновременной объективности и субъективности социальной реальности, который разделяет автор диссертации. Субъективность заключается в том, что она создается индивидом, и в то же время является объективно независимым от него знанием. Таким образом, гендер рассматривается как взаимодействие «мужского» и «женского», воплощенного в повседневных практиках, представлениях и нравах, что постоянно воспроизводится в структурах сознания и структурах действия.

В основании теории социального конструирования гендера лежат представления об аналитическом разделении биологического пола и социального процесса приписывания полу. Таким образом, под гендером подразумевается работа общества по приписыванию биологическому полу тех или иных характеристик, поведенческих паттернов и стереотипов. Соответственно, если есть процесс приписывания (конструирования) гендера, то есть и процесс его реконструирования и изменения. Изменения гендерного дисплея ведут либо к укреплению, либо к разрушению установленного гендерного порядка в обществе.

Таким образом, предполагается раскрыть тему формирования «новой советской женщины» комплексно, используя методы и подходы различных гуманитарных и социальных наук. Проблема трансформации женского образа рассматривается в контексте модернизационных процессов российского/советского общества и с позиции представлений о конструируемой природе гендера и межгендерных взаимодействий в обществе.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые воссозданы механизмы конструирования образа «новой советской женщины» в период 1920-х гг. на конкретном историко-этнографическом материале юга Западной Сибири с привлечением комплекса данных этнографии, демографии, социологии, фольклористики и ряда других дисциплин. Автор впервые критически проанализировала материалы средств массовой информации изучаемого периода, в том числе пропагандистскую литературу, архивные материалы, распоряжения местных вла-

¹⁶¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

стей о проведении политики в отношении семьи и женщин на местах и множество других сведений, помогающих раскрыть заявленную тему.

В работе преодолевается противоречие между подходами и выводами историков и этнографов относительно семьи и положения женщины в среде русских крестьян 1920-х гг. Как известно, этнографы-сибиреведы с опорой на данные глубинных интервью относят 1920-е гг. к так называемому «традиционному» периоду существования семьи и гендерных отношений, в то время как историки и демографы, используя официальные опубликованные источники, рассматривают его как период коренной ломки сложившихся семейных отношений. Новым является подход автора, который комплексно рассматривает данную проблему, привлекая, по возможности, наиболее полный круг источников. Компаративный метод исследования имеющихся в распоряжении автора материалов, сопоставление данных смежных гуманитарных наук также является новым для изучения гендерной проблематики в указанном регионе.

Привлечение новых делопроизводственных материалов, данных «устной истории» и прессы изучаемого периода позволили проанализировать исторические судьбы сибирячек в разных этнокультурных и этноконфессиональных группах в один из существенных переломных моментов отечественной истории.

Положения, выносимые на защиту.

1. Советские идеологи определили женщину как один из основных объектов воздействия при реализации политики «нового быта». Особое внимание было сосредоточено на крестьянках как наиболее «отстающей» и преобладающей в количественном отношении группе женщин.

2. На протяжении 1920-х гг. автор выделяет два периода в истории «решения женского вопроса»: до 1926 г. – период «экспериментов и дефамилизации», и после 1926 г. – период укрепления советского государства с частичным возвращением к «патриархальным ценностям».

3. Несмотря на появление советского брачно-семейного права и усиления формальной стороны семейных отношений, в 1920-е гг. для сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование и сохранение в значительной мере локальных обычаев.

4. Проведение политики государства по решению «женского вопроса» встретило следующие затруднения в Западной Сибири;

а) объективные – удаленность изучаемого региона от центра и более позднее начало работ по «женскому вопросу», отсутствие подготовленных кадров и недостаточность финансирования;

б) субъективные – приверженность селян к традиционной культуре, глубокая религиозность крестьянства, неграмотность (прежде всего среди женского населения Сибири), неподготовленность к принятию нововведений советской власти, страх «втягивания в коммунию» и сильная «патриархальная позиция» мужчин.

В целом большинство сибирячек не были готовы к восприятию нового образа «советской женщины».

5. Образ «новой советской женщины» восприняли лишь часть сибирской молодежи и неблагополучные слои сельского общества – солдатки, вдовы, некоторые батрачки.

6. Советские новации в быту в первую очередь начали воспринимать «российские» переселенцы начала XX в. (южнорусские, украинские, белорусские), как наиболее незащищенные в социально-экономическом плане слои населения. Наибольшее сопротивление нововведениям в области «женского вопроса» наблюдалось со стороны старожильческих и старообрядческих семей, а также благополучных разбогатевших переселенцев.

7. Несмотря на пропаганду и широкое декларирование успешного решения «женского вопроса» (в 1930 г. в были закрыты женотделы), для изучаемого периода 1920-х гг. в Западной Сибири было характерно сохранение многих составляющих традиционного образа жизни.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных научных результатов при разработке учебных курсов по советской истории и культуре, а также в использовании данного исследования при подготовке учебных пособий и лекций по гендерной истории и истории российского женского движения. Результаты данной работы могут быть учтены представителями соответствующих ведомств при планировании современной политики в области семьи и брака с целью минимизации негативных современных тенденций для устойчивого развития российского общества и повышения конкурентоспособности страны в целом.

Апробация результатов работы. Основные положения данного исследования были представлены в ходе выступлений автора на ряде отечественных конференций и конгрессов (Международные научные конференции Российской ассоциации исследователей женской истории в 2013, 2014, 2015 гг.; Конференции молодых ученых ИЭА РАН в 2012, 2013, 2014 гг.; X и XI Конгрессы антропологов и этнологов России в 2013 и 2015 гг.) и зарубежных конференций и конгрессов (X Congreso Asociacion de Demografia Historica ADEH, 2013, г. Альбасете, Испания; International Inter-Congress IUAES (International Union of Anthropological and Ethnographical Studies), Chiba, Japan, 2014; CISH's XXIIInd Congress (22nd International Congress of Historical Science), 2015, China, Jinan). Ряд положений работы нашли отражение в 12 научных публикациях, из которых 3 опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

На разных этапах работа над диссертацией была поддержана Российским государственным научным фондом (РГНФ): проект «Трансформация русской традиционной культуры в переломные исторические периоды XX века: 1920–1930-е, 1990-е гг.» (№ 12-01-00229, 2012–2014 гг.), проект «Механизмы процессов трансформации русской крестьянской семьи в 1920-е годы» (на материалах юга Западной Сибири) (№ 15-51-00008, 2015 г.), проект «Русская этнографическая экспедиция» (№ 15-01-18114, 2015 г.).

На основании результатов исследования автор дала ряд интервью для ведущих федеральных российских СМИ.

Структура исследования соответствует логике поставленных цели и задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность и представлена степень изученности проблемы, выделены объект и предмет, обозначены цель и задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, а также даны характеристики источниковой и теоретико-методологической базы. Раскрываются научная новизна и положения, выносимые на защиту, изложены сведения об апробации результатов работы и структуре диссертации.

В **основной части работы** проводится историко-сравнительное, социально-антропологическое исследование механизмов конструирования и внедрения образа «новой советской женщины» в повседневную жизнь крестьян юга Западной Сибири в 1920-е гг. Проблема рассматривается комплексно: в законодательной плоскости, в аксиологической сфере (новые паттерны поведения), в общественно-политическом поле, в политике ликбеза и охраны материнства и младенчества, в рамках антирелигиозной кампании и внедрения новых советских ценностей через «красные» обычаи и обряды.

В **первой главе «Влияние политики советского государства в отношении семьи и женщины в Западной Сибири в 1920-е годы»** анализируется советское законодательство и его влияние на формирование образа «советской женщины» и положение крестьянки-сибирячки в 1920-х гг.; рассматриваются новые внедряемые женские паттерны поведения и жизненные стратегии.

В *параграфе «Политика советского государства в отношении женщин и семьи в 1920-е годы»* выделяется два периода в истории «решения женского вопроса» 1920-х гг.: до 1926 г. – период «экспериментов и дефамилизации», и после 1926 г., в связи с возвратом к «традиционным семейным ценностям». Идеи ранних советских идеологов по «женскому вопросу» И. Ф. Арманд и А. М. Коллонтай были частично воплощены в жизнь, что нашло отражение в советском семейном законодательстве, согласно которому вводился институт гражданского брака, упрощалась процедура развода и предполагалась определенная правовая защита для женщин. Кодекс законов о труде 1922 г. должен был защитить работающую женщину-мать. Принятый в 1926 г. «Кодекс законов о браке, семье и опеке» признавал только брак, заключенный в органах загса, который закреплял правовые отношения между супругами. Церковный брак более не порождал правовых отношений. В связи с формированием советского семейного законодательства постепенно усиливалась формальная сторона брачно-семейных отношений; тем не менее, в 1920-е гг. для сибирского крестьянства была характерна опора на обычно-правовое регулирование.

Диссертант делает вывод о том, что именно в 1920-е гг. был заложен фундамент нового гендерного контракта советского общества, когда женщина, получив «двойную занятость», должна была выполнять функцию «работающей матери», то есть нести обязанности матери – хранительницы семейного очага и работницы-общественницы. В 1920-х гг. этот тип «этакратического»¹⁶² гендерного контракта в Западной Сибири затронул, главным образом, городских женщин, а не крестьянок,

¹⁶² Это означает, что повседневная жизнь советских людей, их жизненные стратегии обуславливались жестким государственным регулированием, которое определяло возможности действия как в публичной, так и в частной сфере (этакратия – власть государства). См. об этом: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история – 2002. Гендерный выпуск. М., 2003.

которые до периода коллективизации оставались в рамках своих индивидуальных хозяйств.

В параграфе «Вовлечение сибирских крестьянок в общественно-политическую деятельность» исследуются механизмы вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь: привлечение в комсомол, в работу женотделов и волорганизаторскую деятельность, участие в делегатских съездах и т.д. Местные органы власти Западной Сибири также пытались активизировать процесс вовлечения женщин в кооперирование. В качестве первоочередных задач они рассматривали мероприятия по поднятию активности крестьянок, их вовлечению в состав сельских правлений и ревизионных комиссий. С этой целью организовывались женские собрания, выявлялись и привлекались к постоянной работе наиболее активные крестьянки, которые впоследствии работали на выборных должностях.

В параграфе показано, что женщины 1920-х гг. втягивались в общественно-политическую жизнь не активно, это касалось и женской кооперации. Несмотря на «неуклонный рост» числа женщин в органах управления, в отчетах о работе сельхозкооперации процент участия женщин оставался мизерным: например, в 1927 г. их участие в потребкооперации колебалось от 1% до 3,7%¹⁶³. Еще одной проблемой в работе «женского» направления в Сибкрае была «текучесть» женских кадров, вызванная «переброской» опытных специалисток из женотделов «на более серьезные» направления работы. Привлечение в комсомол также не имело особых успехов, во-первых, из-за нежелания самих девушек, а во-вторых, из-за позиции комсомольцев, сомневавшихся в профпригодности женщин. В 1920-е гг. даже мужчины-партийцы не понимали важности «женского направления» и красноречиво называли женотделы «крайбабами» и «бабкомами». Следует также принять во внимание общий низкий уровень доверия и внутреннее сопротивление сибирского крестьянства по отношению к советской власти.

В параграфе делается вывод о том, что вовлечение сибирячек в общественно-политическую жизнь в Западной Сибири наталкивалось на трудности с финансированием, подготовкой профессиональных кадров, неграмотностью населения и общим сопротивлением сибирского крестьянства советским преобразованиям.

Параграф «Международный женский коммунистический праздник 8 Марта и его роль формирования образа “новой советской женщины”» повествует об еще одном инструменте вовлечения женщин в общественное пространство – празднике 8 Марта, впервые официально введенным в советский календарь в 1923 г. В 1920-е гг. праздник распространялся в основном на принимавших участие в общественной жизни женщин и подкреплял, таким образом, внедряемый образ женщины-управленца. Праздник был призван привлекать внимание к «женскому вопросу» и мероприятиям по его решению. Как показало время, мероприятие «8 Марта» переживало постоянные трансформации на протяжении XX в. в плане как идей, вкладываемых в этот праздник со стороны государства, так и форм его проведения. Сегодня он стал одним из немногих «новых» праздников, внедренных советской властью и сохранивших народное признание.

¹⁶³ Ефимов Г. Итоги перевыборной кампании в сельской кооперации в Сибири // Жизнь Сибири. 1927. № 2. С. 104.

В параграфе «Конструирование новых женских поведенческих паттернов под влиянием женской всесоюзной и сибирской прессы» анализируются механизмы работы советских идеологов с глубинными пластами сознания населения – на уровне формирования новых ценностных установок, поведенческих и жизненных стратегий и ориентиров. В качестве инструментария здесь привлекались художественные средства воздействия на массовое сознание сибирячек – литературные произведения, рассказы, «зарисовки из жизни», сценарии для деревенских театров, публикуемые как в федеральных СМИ, так и в местном журнале «Красная сибирячка», адаптированном к сибирской аудитории.

«Новые» девушки и женщины в этих произведениях ориентировались на знание, а не на религию и обычаи, обладали самостоятельностью принятия решений, в том числе о вступлении/невступлении в брак, были «идеологически грамотны». В 1920-х гг. женские журналы предлагали следующие модели поведения: учиться, «вырываться» из «темного» мира «отцов и дедов», уходить в город для продолжения учебы и работы, чаще – по «женской линии».

Художественные произведения обосновывали право детей на бунт против отцов и матерей – представителей «старого» мира; однако полевые материалы автора свидетельствуют о сохранявшемся подчинении младшего поколения сибиряков старшему в 1920-е гг. Еще одним важным изменением, над которым работали советские идеологи, была смена ориентиров девушки при выборе брачного партнера. Помимо романтических влечений, в качестве брачного ориентира указывали на комсомольцев, бедняков в противовес зажиточным «кулакам». Полевые материалы указывают на то, что в 1920-х гг. предпочитали родниться семьи примерно одного уровня достатка, хотя увеличение в этот период браков «убегом» (часто у неравных в экономическом положении жениха и невесты) свидетельствовало о новых романтических тенденциях в сибирской деревне.

Таким образом, советская пропагандистская машина представляла мир женщин 1920-х годов крайне полярным. На одном полюсе рисовался «мир баб», «темного прошлого» с предрассудками и тяжелой «долей». На другом, соответственно, «новая советская женщина», общественница, активистка, борец и товарищ, руководитель наравне с мужчинами. В рассказах, ориентированных на женскую читательскую аудиторию, в крестьянской патриархальной семье «ломались» поведенческие стереотипы женщин. В периодике 1920-х гг. развенчивалось представление о «женской доле» (судьбе, предуготовленном будущем, женском фатализме). Моделировались более эффективные жизненные сценарии: женщинам предлагалось занимать деятельную позицию, принимать нестандартные для тех лет решения для изменения своей нелегкой судьбы. Важно отметить, что предлагаемые стереотипы поведения не отличались особым разнообразием, по сути, агитируя освободиться от «гнета отцов, братьев и мужа»; все предлагаемые сценарии опять же сводились к мысли о служении, но уже общественным интересам.

Во второй главе «Крестьянка-сибирячка в общественной жизни 1920-х годов» анализируются такие составляющие политики по вовлечению женщин в общественную жизнь как кампания по ликвидации неграмотности (среди женщин), политика в области охраны материнства и младенчества и антирелигиозная работа среди женщин.

В параграфе «Развитие народного образования в деревне и женская грамотность» анализируется деятельность госкампании по ликвидации неграмотности среди крестьянок, поскольку большим препятствием в деле их вовлечения в общественные отношения считалось отсутствие грамотности. Ликвидация неграмотности в Сибири 1920-х гг. сталкивалась с рядом трудностей: нехваткой средств и кадров, слабым распространением книг и газет в деревне и т.д. Женщинам, уже вовлеченным в общественную жизнь, например, ставшими делегатками и хорошо зарекомендовавшими себя на делегатских собраниях, предлагалось получение дальнейшего образования (профтехнические, кооперативные, сельскохозяйственные, юридические курсы, курсы советского строительства, охраны материнства и младенчества или рабфаки). Тем не менее, в 1927 г. в Томском округе более 30% были «совсем неграмотными» даже среди делегаток, если предположить, что данные позитивной статистики обычно завышались. Кроме того, ликвидация безграмотности часто сводилась к «первичной грамотности» – умению расписаться, чтению по слогам. Затрудняли работу по обучению женщин и их загруженность домашними делами, нежелание учиться, консерватизм мужчин, не позволявших женам и дочерям ходить на пункты ликвидации безграмотности и собрания.

В 1920-е гг., несмотря на политику всеобщей ликвидации неграмотности, воспитание сельских девочек продолжалось в патриархальном духе. В докладах о состоянии школьного дела в Сибири отмечено низкое посещение школы девочками: на 10 мальчиков приходилась 1 девочка¹⁶⁴. В сознании сибирского крестьянства продолжало жить убеждение о том, что женские рабочие навыки намного важнее, чем грамотность. Полевые материалы свидетельствуют, что именно родители часто выступали против желания дочерей обучаться в школе.

При высокой декларативности проблемы всеобщей ликвидации безграмотности в 1920-е гг. можно констатировать, что в Сибири не удалось добиться заметных результатов в этом вопросе как среди взрослых крестьянок, так и у сельских девочек школьного возраста. Причина неудач в образовании женщин была комплексной: от нехватки средств и профессиональных кадров до «патриархальных» установок семьи и нежелания самих женщин учиться, часто связанного с домашней загруженностью. Новыми возможностями пользовались лишь единицы крестьянок, прежде всего молодые девушки, заинтересованные в продолжении дальнейшего обучения, в том числе «по партийной линии». Таким образом, немало пожилых женщин 1910 – начала 1920-х гг. рождения в сибирских селах остались неграмотными или малограмотными на всю жизнь.

Параграф «Охрана материнства и младенчества в Западной Сибири» посвящен еще одному направлению в решении женского вопроса – политике охраны материнства и младенчества («охрматмлад»), что понималось как создание сети женских и детских консультаций, а также учреждений общественного воспитания. Сюда же относились родильная помощь, профилактика женских болезней, абортная и противозачаточная помощь, юридическая помощь матери и ребенку, борьба с беспри-

¹⁶⁴ ГАНО. Фонд 47, оп. 1, д. 27, л. 75–79.

зорностью детей ранних возрастов, организация трудовой помощи матерям-одиночкам, подготовка работ охраны материнства и детства.

Советские идеологи 1920-х гг. высказывали мысль о том, что семья не может справиться с задачей воспитания подрастающего поколения, в связи с чем был взят курс на сокращение роли семьи в воспитательном процессе. Следствием явилось создание институций общественного воспитания будущих советских граждан: ясли, детские сады и площадки, школы. В то же время эти мероприятия «охрматмлада» декларировались как «помощь матери» и были призваны облегчить домашнюю нагрузку. Важно отметить, что федеральные власти практически не выделяли средств на проведение мероприятий «охрматмлада» в Западной Сибири, и все тяготы реализации этой политики ложились как на местный бюджет, так и непосредственно на самих крестьян. Еще одной проблемой продвижения идеи коллективного воспитания стало сопротивление крестьянок, которые, в отличие от городских женщин, быстро оценивших удобство яслей и детсадов, нередко сопротивлялись этим новшествам в воспитании.

На основе ряда источников, с особым упором на полевые данные, делается вывод о том, что воспитательная роль школы, особенно в сибирской деревне, была не столь велика, и главным социализирующим институтом оставалась семья. Даже официальная статистика того времени указывала, что социальный институт «охрматмлада», призванный освободить женщину от забот о детях во время рабочего дня, в 1920-е гг. не достиг поставленных задач и носил в Сибири в основном декларативный характер.

Введение общественного воспитания, таким образом, должно было сыграть функцию переходного моста между «старым» и «новым» мирами. Идеологи коммунизма понимали, что отмена функции семьи как транслятора социокультурного кода общества нанесет один из самых главных ударов по «отживающему прошлому».

В параграфе «Новые практики “планирования семьи”» раскрывается такая составляющая в политике «охрматмлада», как медицинский аборт, легализованный в 1920 г. На протяжении 1920-х гг. прослеживалась неуклонная тенденция роста этого явления как в городах Сибири, так и в сельской местности. Аборты не стали редкостью в деревне, хотя по официальной статистике крестьянок, прошедших эту операцию, было в несколько раз меньше, чем горожанок. Попытка внедрения профессиональных акушерок в частную жизнь крестьянских семей была затруднена не только недостатком материальных средств и квалифицированных кадров, но и нежеланием самого населения пользоваться специализированной помощью. Полевые материалы показывают, как велика была роль «бабушек», повитух.

Слабость просветительской работы, недоступность альтернативных аборту средств контрацепции сыграли решающее значение в процессе установления этой операции как практически единственного способа планирования семьи в СССР, несмотря даже на период запрета с 1936 по 1955 гг. Декларируя свободу женщины в распоряжении собственным телом, в том числе и в принятии решения по планированию семьи, государство пыталось решить вопросы, казавшиеся в то время первоочередными – восстановления народного хозяйства и перехода к курсу индустриализации. Появление легально разрешенного аборта, постепенно ставшего одной из совет-

ских женских повседневных практик, сыграло важную роль в формировании образа жизни и паттернов поведения «новой советской женщины».

В параграфе «*Антирелигиозная работа среди сибирячек*» анализируется политика по борьбе с еще одним препятствием на пути «раскрепощения» – высокой степенью религиозности крестьянства, в особенности женского. Нередко именно по религиозным мотивам девушки отказывались вступать в комсомол. В сибирских деревнях комсомолками становились считанные единицы, однако часто в отчетных документах того времени с сожалением отмечалось, что даже эти комсомолки-коммунистки чаще всего продолжали соблюдать религиозные традиции.

Советские идеологи видели особенность антирелигиозной работы с женщинами в воздействии не на разум, а на их чувства, считая, что у них более развита именно эмоциональная составляющая. Мероприятия советской власти по ликвидации неграмотности, деятельности женотделов, политики «охрматмлада» также мыслились частью антирелигиозной пропаганды. Предлагалось «отвлекать» женщин от церкви посредством коллективного чтения журналов, посещения комсомольских собраний, вовлечения в общественную жизнь, приобщения к искусству.

С женской аудиторией советские агитаторы часто использовали формы работы, которые заключались в пропаганде художественных сочинений – «былей» и рассказов, порочащих священнослужителей и высмеивающих «темную» религиозность. Попытки научно-просветительской работы оказались неэффективными в крестьянской среде. В антирелигиозной работе с женщинами предлагалось использовать тезис христианства о «несправедливом» положении женщины по сравнению с мужчиной. Тезис о том, что «религия веками закабаляла женщину» был одним из главных в антирелигиозных беседах с крестьянками.

Несмотря на активную антирелигиозную работу с населением, официальная статистика показывала неутешительные цифры религиозной устойчивости сибиряков, но даже наблюдался обратный эффект. В 1924 г. в Сибири вместо «ликвидированных» 56 групп верующих вновь подали на регистрацию 120¹⁶⁵. Подобный религиозный подъем советские чиновники объясняли общей нестабильностью в обществе, ростом эсхатологических настроений и, возможно, слишком грубо проводившейся антирелигиозной политикой. Более того, именно на женщинах, рожденных в начале XX в. – тех самых «церковных бабушках», которые не боялись осуждения на работе – держались те немногие не закрытые в советский период приходы 1950–1980-х гг. Именно в 1920-е гг. был заложен механизм своеобразного советского двойственного поведения, когда в общественных местах человек представлялся атеистом, но в то же время внутри семьи сохранялась религиозность, отмечались церковные праздники.

В третьей главе «**Традиции и советские новации в семейно-брачных обычаях сибирских крестьян в 1920-е годы**» анализируются механизмы «ментальной» революции, проводимой в первое постреволюционное десятилетие в умах населения страны через культурно доступные символы – «красные» праздники и обряды, выступавшие неотъемлемой частью социального конструирования, в том числе и гендерного.

¹⁶⁵ ГАНО Ф. 19, оп. 1, д. 25, л. 35 об.; ГАНО Ф. 20, оп. 2, д. 134, л. 88.

В параграфе «Конструирование новой “красной обрядности” в рамках политики строительства “нового быта”» автор рассматривает создание новых культурных символов «нового быта», которые должны были помочь адаптации населения страны к новой эпохе. Культуртрегерские усилия государства по освобождению от религиозного содержания праздников семейного цикла и наполнение старых форм новым социалистическим содержанием стали важной составляющей этой работы. Новая советская обрядность («октябрины», «красные избушки», гражданские свадьбы и похороны и т.д.) постепенно должна была стать частью нового быта, элементы которого разрабатывались в многотиражных массовых методических пособиях, рассчитанных как на агентов советских преобразований, так и на обывателей. Внедрение новых праздников, связанной с ними советской обрядности и новых ритуалов стало одним из инструментов формирования нового советского человека, в том числе «новой советской женщины».

В параграфе «Выбор брачного партнера и массовые встречи молодежи: вечерки vs “красные избушки”» анализируются механизмы внедрения нового содержания («красные избушки») на деревенских игрищах и вечерках – традиционных местах встречи молодежи. Это делалось с целью изменить гендерные стереотипы поведения, систему знакомств, стандарты ухаживаний в среде сельской молодежи брачного возраста, а также ценностные жизненные установки молодежи в целом. Предлагалось изменить отношение к девушкам на выданье как к «товару» и установить партнерский дух отношений (отказ от «поцелуйных» игр и пр.). Именно молодых девушек советские идеологи видели основными агентами изменений в молодежной среде. Кроме того, методисты предполагали разбавить матримониальные установки крестьянских девушек большей вовлеченностью в общественную жизнь (ликбез, политинформация, агрокружок и т.д.) и одновременно в рабочий процесс (посиделки как мероприятие по повышению квалификации мастерства прядения, обучение кройке и шитью и т.д.). Особый акцент делался на «разумности» и «пользе» содержания сельского молодежного досуга. Однако полевые материалы, обследования сибирских селений показали, что в 1920-х гг. традиционный молодежный досуг в виде игрищ и вечеров, а также обычаи выбора брачных партнеров оставались приоритетными. Последние не потеряли своей популярности, в том числе и в среде молодых деревенских комсомольцев.

В параграфе «Роль женщины в вопросах заключения брака: традиции vs “красная обрядность”» анализируются формы заключения брака, бытовавшие в 1920-х гг. («добром», «убегом» и «кражей»), которые свидетельствовали о всё еще невысоком уровне вовлеченности сибирячек в решение вопроса о собственной судьбе. Мнением девушки не интересовались ни при выходе замуж «добром», когда инициатива исходила от родителей, ни при «краже» со стороны родственников жениха. При всех описанных формах заключения брака девушка должна была принять свою «долю» как должное. Лишь при форме брака «убегом» девушка могла рассчитывать на возможность реализации своих душевных влечений, что стало отражением «революции чувств» в сибирской глубинке.

Публицистика и пресса 1920-х гг. описывала старую свадебную обрядность как «позорящую» честь и достоинство женщины. В основу критики были взяты вызывавшие у молодежи негативное отношение отдельные свадебные обряды сибир-

ской деревни (постельный обряд, денежный взнос за невесту и пр.). Проводники новой жизни играли на желании молодежи проявлять самостоятельность. Советская власть при создании «новой обрядности» исходила из понимания, что сложная, многоэтапная свадебная обрядность требовалась крестьянам для легализации брачного союза в глазах семей брачующихся и сельской общественности. Идеологи также видели необходимость существования свадебных обрядов, однако, считали возможным сохранить формы при условии подмены содержания на «социалистическое». Даже «красные методисты» признавали, что браки, заключенные по старому обычаю, оказывались более прочными по сравнению с безобрядовыми, зарегистрированными в госорганах.

Авторы методических пособий подходили очень ответственно к разработке новых свадебных сценариев и даже привлекали в качестве консультантов отечественных этнографов. Методисты стремились противопоставить богатой обрядами и песенно-танцевальным фольклором сельской свадьбе новую «красную», не менее эффектную. Однако в «новую» свадьбу вкладывали иные смыслы: невеста должна была стоять на активных началах при решении вопроса о браке, настаивать на равных партнерских отношениях с мужем и т.д. Упор делался на чувственные основы брака, хозяйственные соображения представлялись неким пережитком старого. Разработчики подчеркивали необходимость постепенного ненасильственного внедрения новых свадебных традиций путем ввода новых обрядов, песен, игр. Совершенно очевидно, что методисты, выполняя заказ новой власти и разрабатывая новые сценарии для «крестьянской массы», совершенно не учитывали этнокультурное разнообразие русского народа. Навязывание единообразного, общего для всей страны свадебного сценария в 1920-х гг. было обречено в Сибири на неудачу, особенно если учесть в целом хорошую сохранность свадебных обычаев в селах и отдельных культурных группах.

В параграфе *«Лиминальная обрядность: крестины vs “октябрины”»* рассматривается один из базовых обрядов семейного цикла – крестины младенца, которые по задумке советских пропагандистов в 1920-е гг. должны были превратиться в советские «октябрины». Как и большинство праздников, где «старая начинка» заменялась «новым содержанием», октябрины по своей форме сохраняли основные моменты крестильного обряда – «красных восприемников» вместо крестных родителей, «культурное шефство» вместо духовного воспитания и пр. Таким образом, наличие в «новой» структуре таких важных составляющих «старого» обряда, как передача ребенка для «духовного воспитания», наличие «восприемников» и т.д. было сознательно закреплено в новых советских сценариях. Однако теперь роли Бога, духовных восприемников брали на себя советское государство, комсомол, пионерия и даже организация.

Наиболее восприимчивыми к такому типу агитации в сибирских селах стали незамужние девушки и молодые женщины, а также солдатки и вдовы. Можно однозначно констатировать, что полевой материал не дает никаких свидетельств о проявлениях «новой красной обрядности» в сибирских селах в 1920-х гг. Поэтому наши представления о «красных праздниках» основываются только на сообщениях корреспондентов в прессе 1920-х гг., что говорит о высокой степени декларативности этого явления.

Как показали этнографические и статистические данные, обряд октябрин не прижился в советском семейном календаре. В 1920-е гг., при жизни старших поколений, когда еще не были репрессированы отцы семейств, сельские жители крестили детей в соответствии с вековыми традициями.

В 1920-х гг. обычаи, предшествовавшие браку, в одних этнографических группах продолжали оставаться патриархальными (старообрядцы, многие сибирские старожилы), в других (южнорусские переселенцы, украинцы, белорусы) – включали новации. «Новая обрядность» 1920-х гг. прижилась в основном в партийно-комсомольской среде (а также среди части батраков и сельских маргиналов), большинство селян к этим новациям отнеслись осторожно (даже к 1934–1936 гг. на территории РСФСР большинство новорожденных по-прежнему продолжали крестить, примерно 40% молодых венчались и около 90% умерших отпевали по старинке¹⁶⁶).

В Заключении изложены выводы по всем поставленным задачам.

Конструирование образа «новой советской женщины» шло в рамках политики построения «нового быта». Советские идеологи работали сразу в нескольких направлениях, при этом основным объектом, на котором фокусировалось внимание, была женщина. Планируемая «революция в умах» женщин, в особенности, как считалось, у «наиболее отсталых» крестьянок, стала той «высотой», после взятия которой, можно было бы говорить о начале изменения культурного кода всего российского общества. «Угнетаемый», традиционно не принимавший решений пол, был определен в качестве «ахиллесовой пяты», от уязвления которой, сработал бы эффект домино в отношении русской традиционной культуры.

Образ «новой советской женщины» конструировался и внедрялся в повседневную жизнь комплексно: в законодательной плоскости, в аксиологической сфере (новые паттерны поведения), в общественно-политическом поле, в политике ликбеза и охраны материнства и младенчества, в рамках антирелигиозной кампании и внедрения новых советских ценностей через «красные» обычаи и обряды. Воплощение этого образа и трансформация представлений о гендерных ролях в сибирской деревне происходили постепенно, наталкиваясь на множество трудностей, в том числе связанных с религиозностью сибирских крестьян, нежеланием населения менять привычный образ жизни, ценностные установки и поведенческие стереотипы. Диссертант пришел к выводу о том, что образ русской сибирской крестьянки в 1920-х гг. еще во многом соответствовал традиционным представлениям о роли, функциях и месте женщины в жизненном цикле семьи (рода), несмотря на то, что именно в этот период в обществе были запущены многие механизмы по конструированию образа «новой женщины», принесшие свои результаты несколько позднее.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора

¹⁶⁶ Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа: Лекция. М.: МГУК, 1995. С. 10.

Научные статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

1. Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Известия АлтГУ. 2013. № 4. Т. 2. С. 43–46.

2. Васеха М.В. Проблемы актуализации практик плодоизгнания в условиях демографической модернизации в 1920-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Вестник Костромского Государственного университета им. Некрасова. 2015. № 2. С. 37–41.

3. Васеха М.В. Влияние всесоюзной и сибирской прессы 1920-х годов на формирование новых женских поведенческих моделей сибирячек // Вестник РУДН. Серия: История России. 2015. № 3. С. 60–70.

Публикации в других научных изданиях.

1. Васеха М.В. Некоторые процессы демографической модернизации в деревнях Сибири 1920-х гг. // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 3: История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. С. 104–107.

2. Фурсова Е.Ф., Васеха М.В. Особенности семейной обрядности в старообрядческих группах русско-финского происхождения «курганов» и белорусских «москалей» в первой трети XX в. в Западной Сибири // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Вып. 2. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 80–95.

3. Васеха М.В. «Меня милой разлюбил»: становление новых отношений в среде молодежи (по материалам Сибири 1920-х гг.) // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Тверь, 2012. С. 160–164.

4. Васеха М.В. Политика советского государства и ее отражение на положении сибирской крестьянки в 1920-х годах (по материалам юга Западной Сибири) // Тезисы конференции «Культурные границы и границы в культуре», ИЭА РАН 5–7 декабря 2012. М., 2013. С. 28–33.

5. Васеха М.В. Сибирячка: новый взгляд на проблемы насилия в семье, 1920-е гг. // X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 2013. С. 175.

6. Васеха М.В. Фурсова Е.Ф. Постельный обряд у старожилов и переселенцев Западной Сибири // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее. Материалы Шестой международной конференции РАИЖИ 3–6 октября 2013. Т. 2. Нальчик. С. 120–123.

7. Васеха М.В. Проявления некоторых аспектов демографической модернизации в деревнях Западной Сибири (по материалам 1920-х гг.) // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные системы и гендерные отношения в прошлом и настоящем. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 191–196.

8. Васеха М.В. Формирование новых поведенческих моделей сибирячек под влиянием социальных ожиданий (по материалам женской прессы 1920-х годов) //

XI Конгресс антропологов и этнологов России. Тезисы докладов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015. С. 450.

9. Васеха М.В. Понимание «нового материнства» в советской политике охраны материнства и младенчества в 1920-е гг. (по материалам Западной Сибири) // Женщины и женское движение за мир без войны и военных конфликтов. Материалы Восьмой научной конференции РАИЖИ. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 185–191.

Васеха Мария Владимировна

Подписано в печать _____

Формат 60×80 Тираж 100 экз.

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии РАН

119991 Москва, Ленинский проспект 32А.